

ФИЛОСОФСКІЙ СКИТАЛЕЦЪ.

ПАМЯТИ Н. Я. ГРОТА.

(*Окончаніе*) ¹⁾.

Подвергнувъ критикѣ принципы, методы и результаты эмпирической психологіи, Н. Я. переходитъ къ разбору современной физіологической и экспериментальной психологіи, понятія которыхъ опь пока отождествляеть.

Если эмпирическая психологія изслѣдуетъ душевныя состоянія только въ ихъ взаимной связи, то современная *физіологическая и экспериментальная психологія* ставить своею задачей изучить ихъ въ связи съ „параллельными“ имъ тѣлесными процессами. Если для эмпириковъ основною идеей служить понятіе психического „явленія“, то для психофизіологовъ такою идеей служить понятіе „*параллелизма*“ психическихъ и физіологическихъ явлений. Теоретической принципъ психофизіологовъ, очевидно, сводится къ тому — же феноменализму, только съ тѣмъ различiemъ, что они изслѣдуютъ не одинъ рядъ „явлений“, какъ эмпирики, а два параллельныхъ ряда; но ихъ постановка психологическихъ задачъ, повидимому, гораздо глубже. Они не хотятъ ограничиваться простою классификацией душевныхъ процессовъ и формулировкой ихъ эмпирическихъ отношеній: они желаютъ объяснить эти процессы,—объяснить изъ сопровождающихъ ихъ физіологическихъ перемѣнъ. Однако, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Идея психофизіологического параллелизма заимствована изъ геометріи и сама по себѣ представляеть не болѣе, какъ метафору. Но для того, чтобы метафора могла

— — — — —
1) См. Богосл. Вѣстн., ноябрь, стр 510—527

служить сколько-нибудь удовлетворительною научной формулой, она должна сколько-нибудь соответствовать выражаемымъ ею действительнымъ отношениямъ. Психическая и физиологическая явленія можно было бы сравнить съ двумя параллельными линіями, конечно, лишь въ томъ случаѣ, еслибы они протекали въ одной плоскости и никогда не встречались другъ съ другомъ Но гдѣ-же общая плоскость для этихъ явленій и гдѣ границы, способная ихъ отдѣлять? Назвать общею ихъ плоскостью сознаніе, въ которомъ они одинаково отражаются, можно было бы только въ шутку, а допустить, что они никогда не встречаются, нельзя уже потому, что все физическая явленія мыслятся нами въ терминахъ психическихъ и принадлежать въ той формѣ, въ какой мы ихъ знаемъ, лишь къ области нашихъ представлений. Душевные явленія сопровождаются физическими перемѣнами во вѣнчайшей средѣ и физиологическими процессами въ организмѣ,—что это значитъ? Это значитъ только то, что наблюдая свои представленія, мы во многихъ случаяхъ замѣчаемъ, что восприятія внутреннихъ перемѣнъ въ душевыхъ состояніяхъ сопровождаются воспріятіемъ извѣстныхъ измѣнений въ тѣхъ представлениахъ, которыя мы добываемъ изъ вѣнчайшаго опыта. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ параллелизмомъ двухъ разнородныхъ группъ вещей, а съ взаимодѣйствіемъ двухъ по существу однородныхъ группъ восприятій или представлений. Вопросъ объ отношеніи психическихъ и физиологическихъ явленій можетъ быть разрѣшенъ не на почвѣ геометрическихъ аксиомъ, а лишь на почвѣ психологическихъ и теоретико-познавательныхъ принциповъ: это вопросъ объ отношеніи самосознанія и сознанія, опыта внутренняго и опыта вѣнчайшаго.

Но допустимъ, что идея психофизиологического параллізма правильно выражаетъ взаимное отношеніе душевныхъ и тѣлесныхъ явленій: можно ли согласиться съ тѣмъ, что она объясняетъ его? Если мы будемъ понимать эту идею въ томъ смыслѣ, въ какомъ принципіально желали-бы понимать ее психофизиологии, т. с. будемъ видѣть въ ней только формулу для чисто феноменальныхъ отношеній, то она, конечно, ничего не объясняетъ намъ. Въ этомъ видѣ она только констатируетъ фактъ, что двѣ группы извѣстныхъ „явленій“ существуютъ совмѣстно другъ съ другомъ, что одна изъ

иихъ неизбѣжно сопровождаетъ другую. Но что значитъ иль совмѣстное существованіе, почему психическая явленія сопровождаются физіологическими или наоборотъ,—это остается загадкой. Чтобы объяснить взаимное отношеніе этихъ „параллельныхъ“ явленій, нужно поставить ихъ въ причинную связь, т. е. показать, что одни изъ нихъ суть продукты или дѣйствія другихъ. Между тѣмъ, установить причинную связь между душевными и тѣлесными явленіями значитъ выйти за предѣлы чисто феноменальныхъ отношеній и превратить идею психофизиологического параллелизма изъ эмпирической формулы въ метафизическую гипотезу. Всѣ метафизические рѣшенія вопроса о связи души и тѣла сводятся къ слѣдующимъ четыремъ гипотезамъ: 1) *материализму*, съ точки зрения которого психическая явленія суть продукты физіологическихъ процессовъ; 2) *спиритуалистическому монизму* или *панпсихизму*, съ точки зрения которого, наоборотъ, физіологическая явленія суть продукты психическихъ процессовъ; 3) *дуализму*, съ точки зрения которого психическая и физіологическая явленія суть продукты двухъ по существу разнородныхъ началъ, связанныхъ постояннымъ взаимодѣйствиемъ; 4) *пантеистическому монизму* или „*спинозизму*“, съ точки зрения которого эти явленія суть продукты одного и того-же, по существу безразличного принципа, обнаруживающагося въ двухъ различныхъ феноменальныхъ формахъ.— духовной и материальной. Къ какой-же изъ этихъ гипотезъ примыкаетъ идея психофизиологического параллелизма? Сама по себѣ она, безъ сомнѣнія, можетъ быть истолкована въ смыслѣ каждой изъ нихъ. Будутъ-ли психическая и физіологическая явленія продуктами двухъ различныхъ началъ или одного начала, будеть-ли это начало материальнымъ, духовнымъ или безразличнымъ по существу, они, какъ явленія, во всѣхъ случаяхъ могутъ быть параллельны другъ другу. Но если въ принципѣ идея параллелизма допускаетъ всѣ возможныя метафизическія истолкованія, то на дѣлѣ она понимается въ одномъ и совершенно опредѣленномъ смыслѣ: она есть не что иное, какъ замаскированный материализмъ. Правда, современные психофизиологи не хотятъ открыто сознаться въ своихъ материалистическихъ тенденціяхъ; но ихъ методы достаточно ясно разоблачаютъ сущность ихъ взглядовъ. Какую-бы область психофизиологиче-

скихъ изслѣдований мы ни взяли, всѣдѣ мы видимъ попытки сведенія психическихъ фактовъ къ физиологическимъ. Соедине для психофизиологовъ есть только „эпифеноменъ“ или (по толкованію Н. Я.) второстепенное проявленіе физиологическихъ состояній: процессы ощущенія, мышленія, аинерціи, вниманія, памяти, наслѣдственности, творчества, иаконецъ, чувства и воли, но ихъ мѣнью, также обусловлены взаимодѣйствіемъ физиологическихъ причинъ. Современная экспериментальная психофизиология всецѣло основана на убѣжденіи въ возможности объяснить душевную жизнь изъ физиологического механизма и примѣнить къ ея изслѣдованію тѣ самые методы и пріемы, какіе употребляются при изученіи физическихъ явлений. Даже конечная задача психиатрическаго изслѣдованія совершенно отождествляется съ задачами физиологии и физики, т. е. полагается въ томъ, чтобы измѣрить душевныя явленія и свести ихъ къ математическимъ формуламъ механизма. Правда, психофизиологи измѣряютъ душевныя явленія не какъ пространственныя, а какъ временные величины; но считая время общую формой психическихъ и физиологическихъ процессовъ, они дѣлаютъ это различие чисто фиктивнымъ. Вѣдь, время есть только мѣра движенія въ пространствѣ, мѣра преодолѣванія разстоянія и сопротивленій пространственныхъ и матеріальныхъ тѣлъ. Поэтому признать время формою и мѣрилою душевныхъ явлений значить отождествить ихъ съ пространственными и матеріальными тѣлами. Однако, можно ли матеріалистически объяснить душевную жизнь? Научные итоги матеріализма въ настоящее время уже подведены и обнаружили полное его банкротство. Матеріализмъ не объясняетъ душевныя явленія, а попросту уничтожаетъ ихъ, превращая эти явленія въ призрачныя формы физическихъ процессовъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ все существующее известно нами въ видѣ нашихъ восприятій, представлений, психическихъ актовъ, и, опираясь на эту теоретико-познавательную аксиому, можно скорѣе доказать, что физические процессы суть призрачныя формы душевныхъ явлений, чѣмъ наоборотъ. Въ дѣйствительности душевныя явленія не сводимы къ физиологическимъ процессамъ, а физиологические процессы не сводимы къ душевнымъ явленіямъ, и психофизиологи, дѣлая матеріализмъ своимъ теоретическимъ при-

ципомъ, точно такъ-же противорѣчать фактамъ, какъ и защитники противоположнаго взгляда,—спиритуалистического монизма или паницизма. Отсюда, пріемы и методы ихъ психологическихъ изслѣдований представляютъ сплошное недоразумѣніе. Психофизиологи хотятъ понять законы душевной жизни, изучая при помощи сложныхъ экспериментовъ ея физиологический механизмъ; но они не спрашиваютъ себя, откуда исходятъ дѣйствія этого механизма, не являются-ли сами они продуктомъ духа, идей, чувствъ и воли экспериментаторовъ и экспериментируемыхъ субъектовъ? Они опускаютъ изъ виду, что физиологические процессы, можетъ быть, суть только звенья во взаимодѣйствіи духовныхъ силъ между собою. Заключая о зависимости душевныхъ явлений отъ предшествующихъ имъ физиологическихъ процессовъ, они мыслятъ по образцу тѣхъ поверхностныхъ и некритическихъ умовъ, логика которыхъ исчерпывается соображеніемъ: *post hoc, ergo propter hoc*. Что касается въ частности ихъ попытокъ измѣрить душевныя состоянія, то теоретически эти попытки такъ-же мало обоснованы, какъ и остальные ихъ взгляды. Психофизиологи утверждаютъ, что время есть форма психической жизни, наравнѣ съ матеріальнымъ бытіемъ; но доказанъ-ли этотъ взглядъ? Категорія времени требуетъ внимательнаго изслѣдованія и результаты этого изслѣдованія могутъ быть совсѣмъ не въ пользу психофизиологическихъ теорій. Если-бы оказалось, что эта категорія вовсе не приложима къ психическимъ явленіямъ, а ограничивается только областью физическихъ и физиологическихъ процессовъ, то психометрическія изслѣдованія были бы невозможны въ принципѣ: тогда физиологи должны быши бы признать, что они измѣряютъ не время душевныхъ состояній, а только время сопутствующихъ имъ физиологическихъ процессовъ.

Итакъ, современная экспериментальная психофизиология кажется Н. Я. такъ-же бесплодной, какъ и эмпирическая психологія. Ея теоретические принципы не способны объяснить душевную жизнь или могутъ дать ей только ложное, материалистическое объясненіе; ея результатыничтожны и имѣютъ скорѣе физиологический, чѣмъ психологический интересъ.

Можно-ли согласиться съ этими безотрадными выводами?

Также не вполні. Пріемы и результаты современnoї экспериментальной и физиологической психології, безъ сомнінія, очень спорны и требуютъ серьезного критического пересмотра. Попытки такого пересмотра предпринимались уже не разъ, и Н. Я отчасти лишь повторяетъ тѣ аргументы, какіе приводились ранѣе его другими¹⁾. Но, къ сожалѣнію, онъ повторяетъ и тѣ ошибки, въ какія впадали его предшественники. Поэтому, какъ-бы ни были цѣнины его критической замѣчанія, они требуютъ нѣкоторыхъ существенныхъ поправокъ. Прежде всего Н. Я. не вѣрно отождествляетъ понятія „экспериментальной“ и „физиологической“ психології. Первое понятіе гораздо шире второго, потому что психологія можетъ быть (да фактически и бываетъ) экспериментальной, не будучи физиологической, т. е. не прибегая для экспериментального изученія душевной жизни къ физиологическимъ средствамъ. Впрочемъ, какъ увидимъ, Н. Я. вскорѣ самъ убѣдился въ этомъ различії. Даже самое понятіе „физиологической психології“ требуетъ болѣе точнаго опредѣленія. Подъ этимъ широкимъ понятіемъ въ настоящее время разумѣются три различныхъ дисциплины и.п. три особыхъ направлениія психологическаго изслѣдованія: „психофизіология“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, изучающая физиологическую условія душевной жизни и главнымъ образомъ нервную систему; „психофизика“, изучающая психические процессы путемъ искусственного измѣненія ихъ физическихъ и физиологическихъ условій; и „патопсихологія“, изучающая душевые процессы при помощи патологическихъ наблюдений и экспериментовъ и сосредоточенная преимущественно на изслѣдованіи гипноза. Эти три направлениія решаютъ разныя проблемы, примѣняютъ различные методы и потому требуютъ различной критической оцѣнки. Далѣе, если Н. Я. разумѣеть подъ физиологическою психологіей не вульгарная теорія физиологовъ *rig sang*, а изслѣдованія психологовъ, пользующихся физиологіей, какъ вспомогательнымъ средствомъ, то онъ не совсѣмъ правильно понимаетъ ея задачи. Онъ упрекаетъ психофизиологовъ (бу-

¹⁾ Въ нашей литературѣ имѣемъ въ виду прежде всего интересную и цѣнную книгу проф. М. А. Остроумова „О физиологическомъ методѣ въ...“

демъ называть ихъ этимъ не вполнѣ точнымъ, но общепринятымъ именемъ) въ томъ, что ихъ идея параллелизма не объясняетъ отношенія душевныхъ и тѣлесныхъ явлений по существу. Это, конечно, правда; но дѣло въ томъ, что психофизиологи научного типа и не ставятъ себѣ этой задачи. Они хотятъ объяснить не субстанціальное отношеніе душевныхъ явлений къ физиологическимъ, а эмпирическое отношеніе душевныхъ явлений другъ къ другу при помощи взаимного отношенія параллельныхъ имъ физиологическихъ процессовъ. Другими словами, ихъ цѣль состоять не въ томъ, чтобы вывести психическую явленія изъ свойствъ матеріи, а въ томъ, чтобы сдѣлать известныя опытныя заключенія обѣ лѣмѣніяхъ психическихъ явлений на основаніи сопровождающихъ ихъ физиологическихъ перемѣнъ. Эти двѣ задачи не всегда ясно формулируются и потому нерѣдко смѣшиваются, но въ действительности между ними существуетъ громадное различіе. Если въ первомъ случаѣ между душевными и физиологическими явленіями предполагалась бы причинная зависимость, то во второмъ между ими допускается только общепринятое отношеніе совмѣстнаго существованія и взаимодѣйствія. Если въ первомъ случаѣ между этими явленіями устанавливается-бы функциональная связь въ биологическомъ значеніи этого слова, то во второмъ случаѣ функциональное отношеніе ихъ понимается лишь въ математическомъ смыслѣ: обѣ группы явлений рассматриваются какъ двѣ параллельно существующія перемѣнныя величины. Если въ первомъ случаѣ идея психофизиологического параллелизма дѣйствительно превращалась-бы въ метафизическую гипотезу и была-бы замаскированы мъ матеріализмомъ, то во второмъ она остается только эмпирическою формулой, имѣющею исключительно методологическое значеніе. Пояснимъ это различіе примѣромъ. При помощи известныхъ экспериментальныхъ пріемовъ психофизиологъ вызываетъ рядъ постепенно возрастающихъ раздраженій въ области какого-нибудь органа чувствъ и наблюдаетъ соотвѣтствующія этимъ раздраженіямъ ощущенія. На основаніи многочисленныхъ наблюдений такого рода онъ формулируетъ законъ, что если интенсивность раздраженія увеличивается въ геометрической прогрессіи, то интенсивность ощущенія возрастаетъ въ арифметической прогрессіи.

или, короче, ощущеніе возрастаєтъ какъ логаріфмъ раздраженія. О чёмъ идеть тутъ дѣло? О томъ-ли, чтобы объяснить природу ощущенія изъ природы физиологического раздраженія? О томъ-ли, чтобы показать, что ощущеніе есть не болѣе, какъ продуктъ матерії? Разумѣется, нѣтъ. Дѣло идеть только о томъ, чтобы прослѣдить измѣненія ощущенія въ связи съ параллельными измѣненіями раздраженія. Или возьмемъ хотя бы тѣ психометрическія изслѣдованія, на которыхъ такъ нападаетъ Н. Я. Когда психофизіологъ измѣряетъ продолжительность волевой реакціи, различенія или ассоціаціи посредствомъ тѣхъ промежутковъ времени, которые отвѣляютъ движенія руки экспериментируемаго субъекта, пускающія въ ходъ и останавливающія электромагнитный механизмъ хроноскопа, то развѣ это значитъ, что онъ сводитъ данные психические факты къ физическимъ движеніямъ и электро-магнитнымъ процессамъ? Онъ только заключаетъ о продолжительности первыхъ по продолжительности послѣднихъ на основаніи ихъ условной связи, подобно тому, какъ это мы дѣлаемъ на каждомъ шагу въ обыденной жизни. Психофизіологи не раздѣляютъ мнѣнія Н. Я., что время есть мѣра только пространственныхъ и материальныхъ движений. Они наравнѣ съ остальными людьми думаютъ, что время есть мѣра всякихъ измѣненій вообще, какъ физическихъ, такъ и психическихъ, и, измѣряя продолжительность физическихъ перемѣнъ, считаютъ себя въ правѣ стѣлать выводъ, что такова-же продолжительность и тѣхъ психическихъ состояній, которыхъ начинаются и оканчиваются одновременно съ этими перемѣнами. Подъ именемъ „объясненія“ Н. Я. понимаетъ непремѣнно лишь метафизическое объясненіе, т. е. выведеніе душевныхъ явлений изъ тѣлесныхъ причинъ, или наоборотъ. Психофизіологи-же допускаютъ только эмпирическія объясненія, т. е. простые выводы о соотношеніи психическихъ причинъ и дѣйствій на основаніи параллельного соотношенія физиологическихъ и ихъ физическихъ причинъ и дѣйствій. Они разсуждаютъ такъ: психическая состоянія иногда, а можетъ быть и всегда, сопровождаются физиологическими измѣненіями, и обратно. Что значитъ эта связь, мы не знаемъ: объясняется-ли она тѣмъ, что психическая явленія суть продукты физиологическихъ, или тѣмъ, что физиологическая явленія суть продукты

психическихъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, этотъ вопросъ не разрѣшимъ для науки. Но признавая фактъ, какъ онъ есть, мы получаемъ средство заключать о соотношениі психическихъ явлений на основаніи соотношенія параллельныхъ имъ физіологическихъ процессовъ. Вотъ все. Насколько далеко простирается въ дѣйствительности параллелизмъ душевныхъ и физіологическихъ явлений, насколько цѣлесообразны тѣ методы, при помощи которыхъ психофизіологи изучаютъ факты этого параллелизма, и насколько цѣнны тѣ результаты, къ которымъ они приходятъ, это, конечно, другой вопросъ, и вотъ на этомъ именно вопросѣ должно быть сосредоточено вниманіе ихъ критиковъ. Мы никакъ не сомнѣваемся въ томъ, что безпристрастная критика современной физіологической психологіи обнаружила-бы въ ея методахъ немало ошибокъ, а въ ея результатахъ много бесполезнаго хлама: но мы не думаемъ, чтобы эта критика показала, что всѣ методы психофизіологовъ безусловно ошибочны и всѣ ихъ результаты ничтожны. Если современная психофизіология мозга бродить въ потемкахъ, оперируя съ шаткими гипотезами и не столько объясняясьъ психологическіе факты изъ физіологическихъ наблюдений въ психологическихъ терминахъ, то психофизіология органовъ чувствъ, психофизика и патопсихологія успѣли обогатить наше множествомъ очень цѣнныхъ открытій. Достаточно констатировать тотъ фактъ, что теперешняя психологія ощущеній почти всецѣло создана основателями физіологической психологіи, Гельмгольцемъ, Фехнеромъ и Вундтомъ. Физіология въ настоящее время является для метафизиковъ такимъ-же „жупеломъ“, какъ метафизика для физіологовъ и эмпириковъ; но они забываютъ, что призраки страшны не въ дѣйствительности, а только въ воображеніи. Злоупотреблять можно всѣмъ на свѣтѣ, въ томъ числѣ и физіологіей, но можно всѣмъ и воспользоваться для благихъ и разумныхъ цѣлей. Все зависитъ оттого, какъ посмотрѣть на дѣло и въ какую сторону его направить.

Въ чемъ Н. Я. снова безусловно правъ, такъ это въ томъ, что наша мысль не можетъ удовлетвориться однімъ позѣданіемъ феномenalныхъ отношеній между душевными и физіологическими процессами и что вопросъ о субстанціаль-

номъ отношеніи ихъ такъ-же не устранимъ для психофизіоло-
га, какъ и для психолога-эмпира. Чѣмъ объяснить
параллелизмъ душевныхъ и тѣлесныхъ явлений, какъ по-
нять тотъ фактъ, что одни изъ нихъ сопровождаются дру-
гими и измѣняются въ связи между собой,—эта неразрѣ-
шимая для опытной науки метафизическая проблема остается
въ видѣ неизбѣжного осадка постѣ всѣхъ психофизіологи-
ческихъ исследованій и настоічиво требуетъ какого-нибудь
гипотетического разъясненія. Н. Я. съ замѣчательною ясно-
стью формулировалъ тѣ четыре метафизическихъ гипотезы,
которые являются единственными возможными въ данномъ во-
просѣ, и совершенно справедливо признаетъ, что идея психо-
физіологического параллелизма можетъ быть истолкована
въ смыслѣ каждой изъ нихъ. Но справедливо ли онъ утверж-
даетъ, что на дѣлѣ психофизіологи допускаютъ только одну
изъ этихъ логически мыслимыхъ гипотезъ,—матеріализмъ?
Вотъ мнѣніе, съ которымъ мы опять не могли-бы согласиться.
Что въ міросозерцаніяхъ чистыхъ физіологовъ, не мудр-
ствующихъ лукаво, матеріализмъ до сихъ поръ широко
пропагандируется, это фактъ, не подлежащий ни малѣйшему со-
мнѣнію; но чтобы тѣхъ-же матеріалистическихъ взглядовъ
держались и всѣ психологи физіологического направленія,
это не вѣрно. Ни Гельмгольца, ни Фехнера, ни Вундта, ни
Штумпфа, ни Эббинггауза, ни Мюнстерберга, ни Джемса, ни
даже Рибо нельзя назвать матеріалистами, а нѣкоторыхъ
изъ нихъ нужно признать даже рѣннительными врагами ма-
теріализма. Все это люди съ слишкомъ глубокимъ крити-
ческимъ умомъ и съ слишкомъ серьезнымъ философскимъ
образованіемъ, чтобы поддерживать гипотезу, теоретическая
невозможность которой въ настоящее время такъ очевидна.
Есть психофизіологи, которые открыто защищаютъ дуализмъ
(наприм., Джемсъ и Флурнуа); другіе-же, и пожалуй гро-
мадное большинство, прымкаютъ къ той гипотезѣ, которую
Н. Я. называетъ пантенетическимъ монизмомъ или спино-
зизмомъ, а мы предполи-бы назвать „психофизическими
монизмомъ“. По этой гипотезѣ, ведущей свое начало отъ
Спинозы и Шеллинга и воскрешенной въ новѣйшее время
Фехнеромъ, основа душевныхъ и тѣлесныхъ явлений не ма-
теріальна и не духовна, а представляетъ нераздѣльное един-
ство духовнаго и матеріального, психофизическое тожество.

Душевныя и тѣлесныя явленія суть только двѣ стороны этой единой первоосновы, двѣ формы ея эмпирическаго обнаруженія, два способа ея восприятія Удовлетворительна ли такая гипотеза? Мы не думаемъ этого. Напротивъ, было бы не трудно показать, что она не выдерживаетъ критики ни съ эмпирической, ни съ чисто логической точки зрѣнія. Но какова бы ни была эта гипотеза, она такъ же далека отъ материализма, какъ и отъ другихъ метафизическихъ решений разсматриваемаго вопроса.

Вопросы, выдвинутые Н. Я. въ его критикѣ эмпирической и физиологической психологіи, такъ интересны, важны и современны, что мы невольно остановились на нихъ значительно долѣе, чѣмъ этого, можетъ быть, требовала наша прямая задача. Возвратимся къ дальнѣйшему изложенію его взгляда.

Одни изъ доводовъ, выставленныхъ Н. Я. противъ физиологической психологіи, состоятъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что время, которое психофизиолги считаютъ общую формой душевныхъ и физиологическихъ процессовъ, въ дѣйствительности есть философская проблема, которая можетъ быть решена совсѣмъ не въ ихъ пользу; если-бы оказалось, что время не свойственно психическимъ состояніямъ и служить лишь мѣрой физическихъ движений, тогда никакія психометрическія изслѣдованія не были-бы возможными. Но значеніе проблемы времени не ограничивается только этимъ частнымъ вопросомъ: по мнѣнію Н. Я., отъ того или иного решенія ея зависятъ вся будущая судьба психологіи и метафизики. Въ самомъ дѣлѣ, современный взглядъ на время, какъ форму сознанія, съ одной стороны, „дастъ опору той эмпирической и ассоціативной психологіи, которая ошибочно думаетъ, что въ душевной жизни изученію доступны только явленія.—ряды событий во времени, а виѣвременная сущность душевной жизни непознаваема“, съ другой,—„подрываетъ ученіе о вѣчныхъ и необходимыхъ формахъ чувственного познанія, мышленія, разсудочной дѣятельности, нравственной и эстетической оцѣнки,—вообще все негиппіаныя основы психологіи, логики, этики и эстетики, какъ науки о сверхвременныхъ формахъ и законахъ нашего духовнаго бытія“. Если мы предположимъ, что время не есть форма душевной жизни, то такая основная идея метафизики, какъ

идея безсмертія души, была-бы доказана сама собою; на-противъ, если мы допустимъ обратное положеніе, вѣра въ безсмертіе становится невозможнаю, а вмѣстѣ съ нею теряетъ всякую почву и вѣра въ вѣчную духовную основу всего существующаго, вѣра въ Бога. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній Н. Я. предпринимаетъ специальную работу *О времени*, въ которой пытается построить это понятіе на новыхъ началахъ¹⁾.

Современное ученіе о времени обязано своимъ происхождѣніемъ Канту. Въ своей „Критикѣ чистаго разума“ Кантъ хотѣлъ реформировать человѣческое познаніе и примирить эмпирическія задачи съ метафизическими идеалами; но онъ не могъ вполнѣ освободиться изъ схоластическихъ сѣтей метафизики Вольфа и создать немало искусственныхъ схемъ и ложныхъ понятій, внесшихъ страшную путаницу въ умы его эпигоновъ. Къ числу такихъ ложныхъ понятій принадлежитъ его идея времени. Несмотря на свою схематическую ясность, эта идея, по мнѣнію Н. Я., полна глубокихъ противорѣчій. Кантъ опредѣляетъ время, какъ *„воззрѣніе“* и *форму* внутренняго опыта и противополагаетъ его пространству, какъ формѣ виѣшнихъ восприятій; но въ то-же время онъ анализируетъ его, какъ простое *понятіе*, допускающее всѣ отношения логического подчиненія и соподчиненія. Спрашивается, какъ возможно примирить эти два противоположныхъ взгляда? Вѣдь, если время есть форма внутренняго опыта, то оно не можетъ быть простымъ понятіемъ: въ этомъ случаѣ оно является русломъ, чрезъ которое течетъ вся душевная жизнь, включая сюда и сферу понятій. Если же время есть понятіе, то оно не можетъ быть формой внутренняго опыта: тогда оно представляетъ собой лишь одинъ изъ безчисленныхъ элементовъ нашей мысли, подчиненныхъ ея общимъ законамъ и формамъ. Разсматривая пространство и время, какъ понятія, Кантъ, безъ сомнѣнія, могъ усвоить имъ лишь субъективное значеніе; но, объявляя ихъ воззрѣніями и формами виѣшняго и внутренняго опыта, онъ неизбѣжно ихъ объективируетъ. Вѣдь, формы опыта не могутъ быть исключительно субъективными идеями: наряду съ субъективнымъ элементомъ въ нихъ должно быть объек-

¹⁾ *Вопросы философии и психологии*, 1894 г., кн. 23, 24 и 25

тивное содержание, и если это объективное содержание таково, что оно укладывается въ рамки времени и пространства, то оно, очевидно, само по себѣ должно имѣть временную и пространственную природу. Такимъ образомъ, время, по мнѣнию Канта, есть, съ одной стороны, только субъективная мысль, съ другой—не только субъективная мысль, но и объективное явленіе. Какъ можетъ быть мыслимо понятіе, въ которомъ соединяются такія противорѣчія? Кантъ называетъ время и пространствоaprіорными категоріями и считаетъ ихъ предшествующими *всякому* опыту. Но можно-ли пониматьaprіорность въ такомъ безусловномъ смыслѣ? Aprіорная категорія, данная ранѣе всякаго опыта, есть совершенно немыслимая вещь. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могла-бы быть такая категорія? Понятіемъ? Но понятіе есть уже эмпірическое обнаруженіе сознанія; оно представляетъ собой извѣстный опытъ мысли. Эмпірическою формой? Но эмпірическая форма невозможна безъ эмпірическаго содержанія и неизбѣжно предполагаетъ какой-нибудь заполняющей ее опытъ. Какой это опытъ, понятно само собою. Такъ-какъaprіорные категоріи предшествуютъ виѣщему опыту, то имъ самимъ можетъ предшествовать только внутренній опытъ, т. е. наше сознаніе съ прирожденнымъ ему содержаніемъ. Такимъ образомъ, время aprіорно лишь по отношенію къ виѣщему опыту. Что-же касается внутренняго опыта, то онъ самъ aprіоренъ по отношенію къ времени. Психическая жизнь должна мыслиться и существовать ранѣе этой идеи и независимо отъ нея. Наконецъ, Кантъ опустилъ изъ виду одну совершенно очевидную вещь. Онъ считалъ время формой психическихъ процессовъ, а пространство формою виѣшнихъ, физическихъ явлений; но онъ забылъ, что все, существующее во времени, существуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пространствѣ, и все, пребывающее въ пространствѣ, протекаетъ также во времени. Какой-бы временный процессъ вы ни взяли, при ближайшемъ анализѣ вы всегда найдете въ немъ смѣну пространственныхъ состояний, а каждое пространственное состояніе вы можете разложить на временные моменты. Время и пространство неотдѣлимы другъ отъ друга. Такимъ образомъ, получается слѣдующая дилемма: если психическая жизнь существуетъ во времени, то она существуетъ и въ пространствѣ; если-же она существуетъ

за предѣлами пространства, то она должна быть и за предѣлами времени. Для Канта нѣтъ выхода изъ этой дилеммы, и чтобы разрѣшить ее, необходима новая теорія времени.

Всѣ объективные процессы мы воспринимаемъ въ формѣ нашихъ субъективныхъ состояній и актовъ. По своей природѣ эти состоянія потенциальнно присущи сознанію и нашъ опытъ есть не что иное, какъ постепенная реализація ихъ подъ вліяніемъ взаимодѣйствія сознанія съ окружающимъ міромъ. Время и пространство не составляютъ исключенія изъ этого всеобщаго и безусловного закона: они суть наши субъективныя представленія, въ которыхъ мы воспринимаемъ объективныя воздействиа матеріи на нашу душевную энергию. Пространство есть субъективное представленіе или восприятіе матеріи въ покоѣ, время есть субъективное представленіе той-же матеріи въ движениі. А такъ-какъ и матерія, и движеніе познаются нами лишь чрезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ и нервной системы, то можно также сказать, что пространство есть субъективное восприятіе измѣненій нервной системы при взаимодѣйствіи сознанія съ матеріей въ покоѣ, а время есть субъективное восприятіе тѣхъ-же физіологическихъ процессовъ при взаимодѣйствіи сознанія съ матеріей въ движениі. Но если пространство и время являются субъективными представленіями или восприятіями физіологическихъ измѣненій и состояній по-коющейся и движущейся матеріи, то они, очевидно, не могутъ имѣть объективнаго существованія: они выражаютъ такіе объективные феномены, которые не имѣютъ никакого сходства съ ними. Такимъ образомъ, идея времени, какъ и идея пространства, имѣеть исключительно субъективный характеръ. Правда, мы можемъ допустить для нея извѣстный объективный коррелатъ; но, во первыхъ, этотъ коррелатъ совершенно разнороденъ съ нею, во вторыхъ, онъ существуетъ не въ области внутренняго опыта, а только во внѣшнемъ мірѣ,—въ системѣ материальныхъ движений, подъ вліяніемъ которыхъ именно и образуется эта идея. Вотъ почему объективно мѣрою времени всегда служить какая-нибудь единица пространственнаго и материальнаго движенія. Тамъ, где мы имѣемъ дѣло съ фактами непространственнаго и нематериальнаго порядка, мы воспринимаемъ ихъ помимо

представленія времени; а такъ-какъ время есть только форма представленія дѣйствительности, а не форма ея бытія, то тамъ, гдѣ нѣть представленія времени, не можетъ быть и самого времени. Такою именно сферой непространственныхъ и нематеріальныхъ процессовъ является нашъ душевный міръ. Ни одно изъ психическихъ состояній не имѣеть пространственныхъ формъ, и ни одно изъ нихъ *само по себѣ* не имѣеть временной продолжительности. Мы находимъ въ нашемъ внутреннемъ опыте множество „элементовъ“ сознанія, но этимъ элементамъ нельзя указать ни мѣста, ни пространственныхъ границъ въ психической средѣ. Равнымъ образомъ, мы находимъ здѣсь множество „моментовъ“ сознанія, но эти моменты связаны между собой не временнымъ преемствомъ, а независимыми отъ всякаго времени психологическими, логическими, эстетическими и этическими отношеніями. Временная продолжительность и временное преемство свойственны не психическимъ процессамъ, а тѣмъ физиологическимъ перемѣнамъ и физическимъ движenіямъ, въ связи съ которыми они совершаются и воспринимаются пами. Поэтому, усвояя время психическимъ процессамъ, мы только бессознательно переносимъ его изъ матеріального міра въ нашъ душевный міръ,—подобно тому, какъ мы переносимъ самыя психические явленія за предѣлы сознанія и локализируемъ ихъ во вицѣнномъ пространствѣ. Время и пространство душевыхъ состояній не дѣйствительны, а только кажущіяся: это—„псевдо-время“ и „псевдо-пространство“. Сама по себѣ душевная жизнь совершается, абсолютно за предѣлами этихъ представлений, и въ ней открывается намъ истинная природа всякаго духовнаго бытія.—сверхпространственная и сверхвременная природа.

Ученіе Н. Я. о времени, равно какъ и его критика Канта, представляютъ немало своеобразнаго и еще болѣе спорнаго. Мы не будемъ входить въ подробную опѣнку его воззрѣній, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся только однимъ замѣчаніемъ. Въ основѣ теоріи Н. Я. лежитъ тезисъ, что все, существующее во времени, непрѣменно существуетъ также въ пространствѣ, и наоборотъ. Но доказанъ-ли имъ этотъ тезисъ? Собственно говоря, нѣть. Какъ это ни странно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто догматическимъ положеніемъ, которое приходится принимать па-

върху вѣдѣствіе его мнимой „очевидности“. Мало того: этотъ доктринальскій тезисъ и не можетъ быть доказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы совершенно не знаемъ, существуетъ-ли время въ пространственномъ мірѣ, насколько онъ мыслимъ за предѣлами нашихъ душевныхъ состояній; между тѣмъ, время непространственныхъ душевныхъ состояній есть очевиднѣйшій фактъ нашего внутренняго опыта. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что наши психические процессы смѣняются другъ друга, что ихъ смѣна совершается быстро и медленно, что ихъ отдѣляютъ длинные или короткіе промежутки. И эта времененная смѣна психическихъ состояній наблюдается не только въ связи съ физиологическими и физическими измѣненіями, но и совсѣмъ независимо отъ нихъ. О физиологическихъ измѣненіяхъ, сопровождающихъ душевые процессы мы можемъ ничего не знать, а параллельная физическая перемѣны могутъ отсутствовать или ускользнуть отъ нашего вниманія; и тѣмъ не менѣе временное теченіе душевыхъ событий всегда ясно сознается нами. Конечно, мы измѣряемъ время психическихъ, равно какъ и физическихъ, процессовъ посредствомъ пространственныхъ движений; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что время существуетъ только въ предѣлахъ пространства? Вѣдь, кромѣ объективнаго, пространственного измѣненія время имѣть субъективную, цепностранственную мѣру: какъ показываютъ психологическая наблюденія, мы субъективно опредѣляемъ его на основаніи чувства успѣха, сопровождающаго извѣстную психическую работу. Чѣмъ замѣтище это чувство усилия, тѣмъ продолжительнѣе кажется намъ работа сознанія; чѣмъ оно слабѣе, тѣмъ психическая работа представляется быстрѣе и короче. Эта субъективная оцѣнка времени не только не зависитъ отъ объективныхъ измѣненій, но даже не всегда совпадаетъ съ ними. Когда намъ приходится съ трудомъ преодолѣвать какія-нибудь препятствія или бороться со скучой, время, какъ это всѣмъ извѣстно, тянется для насъ безконечно медленно; напротивъ, когда препятствія побѣждаются легко или когда наша мысль занята смѣной приятныхъ впечатлѣній, не требующихъ никакихъ умственныхъ усилий, время летить почти незамѣтно. Не свидѣтельствуютъ-ли эти факты о томъ, что время есть неизбѣжное свойство психическихъ процессовъ, что оно является только субъективнымъ эквивалентомъ работы сознанія, для котораго

объективныя измѣрения служатъ лишь искусственными и условными рамками? Такимъ образомъ, основное положеніе Н. Я. не выдерживаетъ критики, а вмѣстѣ съ нимъ должна пасть и вся его теорія.

Какъ мы видѣли, ученіе Н. Я. о времени возникло изъ критическихъ и метафизическихъ побужденій. Онъ хотѣлъ въ немъ, съ одной стороны, опровергнуть феноменизмъ современной психологіи, съ другой создать основу для построенія нѣкоторыхъ метафизическихъ идей и прежде всего идеи бессмертія. Насколько эти задачи дѣйствительно оправдывали его предпріятіе,—это, конечно, вопросъ. Психологический феноменизмъ едва-ли стоитъ въ тѣсной связи съ проблемою времени и, какъ превосходно показалъ самъ Н. Я. въ своей критикѣ эмпирической психологіи, его можно опровергнуть, не касаясь этой проблемы. Идея бессмертія также не требовала радикальной реформы общепринятыхъ представлений о времени. Вѣдь, если бессмертіе есть только вѣчное существование человѣческой души, то это вѣчное существование можетъ быть мысленно какъ безконечное время. Если-же бессмертіе есть не только вѣчное, но и безвременное бытіе духа, то трансцендентная безвременность нисколько не противорѣчить временному характеру душевной жизни въ предѣлахъ опыта. Какъ-бы то ни было, Н. Я. руководился этими именно мотивами. Разрушить современное феноменистическое міровоззрѣніе и построить на его руинахъ метафизическую теорію дѣйствительности,—вотъ цѣль, къ которой онъ стремился. Онъ отдавался этой задачѣ со всѣмъ свойственнымъ ему увлеченіемъ, и казалось, что онъ останется вѣренъ ей до конца. Почва для метафизическихъ построеній была имъ расчищена, элементы для нихъ были даны въ его прежнихъ сочиненіяхъ; оставалось только переработать эти элементы и объединить ихъ въ цѣльную систему. Однако на дѣлѣ вышло иначе. Именно въ это время Н. Я. пережилъ новый умственный кризисъ, совершенно измѣнившій его настроеніе и идеи.

Изучая современную психологію въ критическихъ и метафизическихъ цѣляхъ, Н. Я. неожиданно для себя самого очутился въ плѣну у того врага, котораго онъ считалъ побѣжденнымъ. Чѣмъ болѣе онъ знакомился съ новѣйшими психологическими изслѣдованіями, тѣмъ болѣе онъ убѣж-

дался, что они далеко не такъ бесплодны, какъ это ему казалось. Онъ увидѣлъ, что современная психологія чужда тѣхъ схоластическихъ пріемовъ, въ которыхъ онъ ее упрекалъ. Она не только обогатила насъ цѣльнымъ рядомъ очень важныхъ эмпірическихъ наблюдений, но выработала новые методы изслѣдованія и стала экспериментальною наукой. Цѣлесообразное примѣненіе эксперимента въ области душевныхъ явлений обѣщаетъ психологіи блестящую будущность, а достигнутые этимъ методомъ результаты уже теперь проливаютъ новый свѣтъ на законы психической жизни. Мало того: Н. Я. нашелъ, что современная психологія не противорѣчитъ даже тѣмъ метафизическимъ идеаламъ, къ которымъ онъ стремился. Какъ мы видѣли, критика психологического феноменизма привела его къ тому заключенію, что въ душевной жизни нѣтъ границъ между сущностью и явлениемъ. Въ психическихъ явленіяхъ мы непосредственно познаемъ ихъ сущность, а психическая сущность непосредственно открывается въ своихъ явленіяхъ. Но если такъ, то какая-же разница между эмпірическимъ и метафизическімъ изученіемъ душевной жизни? Если старая метафизическая психологія изучала душевную сущность, то не значить-ли это, что она изучала вмѣстѣ съ тѣмъ и душевныя явленія? И если современная опытная психологія изслѣдуетъ душевные явленія, то не выходить-ли отсюда, что она изслѣдуетъ въ то-же время и душевную сущность? Чтобы уничтожить всякое различіе между ними, нужно только устранить изъ психологіи двусмысленное понятіе явленія. Психологъ долженъ изучать не психическая явленія и сущности сами по себѣ, а живые, конкретные психические факты, отъ которыхъ абстрагированы эти идеи. Такъ именно и попимается дѣло, по мнѣнію Н. Я., современная экспериментальная психологія. Она не дѣлить психические процессы на абстрактные элементы, а рассматриваетъ ихъ въ томъ цѣльномъ видѣ, какъ они совершаются на самомъ дѣлѣ; и этимъ она не только уясняетъ ихъ эмпірическія отношенія, но и пролагаетъ путь къ познанію ихъ истинной метафизической природы. Придя къ такимъ выводамъ, Н. Я. совершенно измѣняетъ свое отношение къ современной психологіи. Если ранѣе онъ былъ искреннимъ и ожесточеннымъ противникомъ этой науки, то теперь онъ становится такимъ-же искреннимъ и горячимъ

ея другомъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать разработку метафизическихъ вопросовъ, онъ круто поворачиваетъ на дорогу опыта и ставить своею задачей уяснить методы и принципы психологическихъ изслѣдований. Правда, метафизическая идея, и въ особенности идея бессмертія, не утрачиваются для него всякаго интереса; но это скорѣе платонической, чѣмъ дѣйствительный интересъ.

Если психологіи суждено стать точною наукой, то ея методомъ долженъ быть тотъ, который она примѣнила съ выдающимся успѣхомъ въ послѣднее время и которымъ уже давно пользуется естествознаніе,—т. е. экспериментъ. Что-же такое психологической экспериментъ и насколько онъ въ дѣйствительности возможенъ? Вотъ вопросъ, который Н. Я. хочетъ разрѣшить въ своей статьѣ *Основанія экспериментальной психологіи*¹⁾. Однимъ изъ очень распространенныхъ предразсудковъ нашего времени является мнѣніе, что психологической экспериментъ совершенно противоположенъ старому методу самонаблюденія и совпадаетъ съ методами современной психофизиологии и психофизики. Происхожденіе такого взгляда легко понять. Съ одной стороны самонаблюденіе было такъ дискредитировано старою психологіей и подвергалось такимъ нападкамъ со стороны ея противниковъ, что найти въ немъ какое-нибудь сходство съ научнымъ методомъ психологического изслѣдованія представлялось напередъ невозможнымъ. Съ другой стороны, психофизические и психофизиологические опыты были первымъ примѣненіемъ экспериментального метода къ изученію душевныхъ явлений и потому естественно казались единствено возможной его формой. Однако въ дѣйствительности этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ. Связь психологического эксперимента съ самонаблюденіемъ въ настоящее время уже признана самыми выдающимися психологами экспериментального направлениія. Въ самомъ дѣлѣ, психологической экспериментъ есть не что иное, какъ наблюденіе душевныхъ процессовъ при искусственно измѣненныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, наблюдать душевые

¹⁾ *Вопросы философии и психологіи*, кн. 30, 1895 г. Эта превосходная статья приложена въ качествѣ введенія къ русскому переводу *Очерка психологіи* Вундта, изданному Московскимъ Психологическимъ Обществомъ подъ редакціей Н. Я.

процессы мы можемъ только тогда, когда они одновременно съ этимъ до изъкоторой степени переживаются нами самими. Каждое психологическое наблюдение должно пройти через горнило нашего внутренняго опыта, чтобы сдѣлаться вполнѣ понятнымъ для насть: каждое психологическое наблюдение есть въ основѣ само наблюденіе. Психологической экспериментъ отличается отъ простого само наблюденія только тѣмъ что здѣсь наблюдаемыя явленія возникаютъ не сами по себѣ въ ихъ случайной связи, а вызываются искусственно, измѣняются намѣренно, изучаются заразъ иѣсколькими лицами и истолковываются на основаніи тщательной и многократной провѣрки. Это—само наблюденіе методическое, коллективное и обставленное научными гарантіями. Менѣе очевиднымъ представляется различіе психологического эксперимента отъ психофизіологическаго и психофизическаго. Какъ ни кажется страннымъ, эти методы смѣшиваются даже такими психологами, которые считаютъ само наблюденіе основой психологическаго эксперимента. Такъ, наприм., Вундтъ рѣшительно убѣждень, что экспериментальное изученіе душевной жизни невозможно безъ помощи физики и физіологии. Того-же взгляда, какъ мы видѣли, держался ранѣе и самъ Н. Я.: подвергая критикѣ современную физіологическую психологію, онъ разумѣлъ подъ нею экспериментальную психологію въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь онъ отказывается отъ этого ошибочнаго мнѣнія. Допустимъ, что психологической экспериментъ дѣйствительно невозможенъ безъ физическихъ и физіологическихъ средствъ: развѣ это даетъ право отождествлять экспериментальную психологію съ психофизикой и психофизіологіей? Вѣдь, не называемъ-же мы химію „психохиміей“ изъ-за того, что химические анализы невозможны безъ психическихъ актовъ ощущенія, представлениія, впечатлія, мысли. Характеръ научнаго метода опредѣляется не столько тѣми средствами, которыя онъ примѣняетъ, сколько тѣми задачами, которыя онъ долженъ разрѣшить. Психологъ можетъ ставить себѣ три экспериментальныхъ задачи: 1) онъ можетъ изслѣдовывать связь психическихъ процессовъ съ окружающею насть физической средой; 2) онъ можетъ изслѣдовывать связь ихъ съ физіологическими процессами въ нашемъ организмѣ; и, наконецъ, 3) онъ можетъ изучать связь этихъ явлений между собою. Если въ первыхъ двухъ

случаихъ онъ будеть изслѣдоватъ психофицическія и психо-
фiziологiческiя проблемы, то въ послѣднемъ случаѣ онъ
имѣть дѣло съ чисто психологическою задачей. Но-
этому, каковы-бы ни были средства, при помощи которыхъ
онъ станеть решать эту задачу, его методъ всегда будеть
психологическимъ. Но дѣйствительно-ли психологической
экспериментъ невозможенъ безъ содѣйствiя физики и физио-
логiи? Въ сущности этотъ предразсудокъ уже давно опро-
вергнутъ и практическою жизнью, и наукой. Если психоло-
гический экспериментъ состоить въ наблюденiи психическихъ
процессовъ при искусственно измѣненныхъ условiяхъ, то
онъ есть вещь, самая обычная въ мiрѣ. Имъ постоянно поль-
зуются педагоги, юристы и врачи въ своихъ профессиональ-
ныхъ цѣляхъ; имъ пользуемся на каждомъ шагу всѣ мы,
когда намъ приходится намѣренно вызывать въ себѣ или
другихъ новыя душевныя состоянiя. Правда, эти житейскiе
эксперименты не имѣютъ научного характера и не предна-
значены для психологическихъ цѣлей; но имъ можно дать
иную, научную постановку. Попытки примѣненiя чисто пси-
хологического эксперимента въ научной формѣ въ настоя-
щее время уже сдѣланы. Если мы разсмотримъ лаборатор-
ные опыты современныхъ психологовъ, то мы найдемъ, что
многiе изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ психофизикой
и психофизиologией. Наприм., повѣйшiя экспериментальныя
изслѣдованiя ассоцiацiи, воображенiя и памяти обходятся
безъ всякихъ физическихъ и физиologическихъ аппаратовъ
и производятся при помощи такихъ простыхъ средствъ, кото-
рыя всѣмъ доступны; между тѣмъ, результаты этихъ изслѣ-
дованiй настолько дѣйны, что лишь педанты могли-бы ста-
вить ихъ ниже психофизическихъ и психофизиologическихъ
наблюденiй. Для плодотворности психологическихъ экспери-
ментовъ требуется только одно условiе: они должны про-
изводиться одновременно нѣсколькими лицами и подверг-
аться многократной и тщательной провѣркѣ. Вотъ почему
являются необходимыми психологические кабинеты или ла-
бораторiи, какъ центры колективной и правильно организованной
психологической работы. Такие кабинеты въ настоя-
щее время существуютъ уже почти всюду въ Европѣ и въ
Америкѣ, и Н. Я. настоятельно рекомендуется учредить ихъ
также при русскихъ университетахъ.

Экспериментальный методъ даетъ психологу могущественное средство научнаго изслѣдованія; но самъ по себѣ онъ еще недостаточенъ для того, чтобы превратить психологію въ точную науку. Кромѣ научнаго метода психологія должна обладать еще научнымъ принципомъ, который могъ бы объединить ея изслѣдованія въ одной всеобъемлющей идеѣ, дать ей основу для безошибочныхъ выводовъ и сблизить ее съ остальными отраслями точнаго знанія. Безъ такого принципа экспериментальная психологія не можетъ претендовать ни на какія широкія обобщенія; она неизбѣжно будетъ теряться* среди измѣнчиваго разнообразія изучаемыхъ ею фактovъ и ограничиваться частными и мелкими задачами. Но гдѣ найти ей подобный принципъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является интересная статья Н. Я. *Понятія души и психической энергіи въ психологіи*¹⁾.

По его мнѣнію, экспериментальная психологія должна уловить себѣ тотъ-же теоретический принципъ, на которомъ поконится всесовременное естествознаніе,—законъ сохраненія энергіи. Она только тогда объяснитъ намъ измѣнчивыя явленія душевной жизни, когда будетъ разсматривать ихъ какъ формы психической энергіи, которая входитъ въ систему превращеній физическихъ энергій и остается вмѣстѣ съ пими постоянной среди всѣхъ своихъ метаморфозъ. До сихъ поръ законъ сохраненія энергіи считался исключительно закономъ матеріального міра и примѣненіе его къ психической жизни казалось совершенно немыслимымъ. Между душевными явленіями и физическими процессами лежитъ цѣлая пропасть и ввести психическую энергию въ круговоротъ матеріального движения значить противорѣчить ея своеобразной природѣ. Такъ думалъ ранѣе и самъ Н. Я. Однако, теперь онъ считаетъ этотъ взглядъ значительно поколебленнымъ. Коренная разнородность физическихъ и психическихъ процессовъ основывается на теоретической противоположности понятій матеріи и духа; между тѣмъ въ послѣднее время даже сами естествоиспытатели начинаютъ изгонять понятіе матеріи изъ круга своихъ научныхъ представлений. Такъ, знаменитый Лейпцигскій химикъ Оствальдъ открыто заявилъ, что это понятіе можетъ

¹⁾ Вопросы философіи и психологіи, кн 37 и 39. 1897 г. Съ небольшими дополненіями и измѣненіями эта статья напечатана также въ немецкомъ журналь Archiv für systematische Philosophie, IV Bd., 3 Heft, 1898

быть вполнѣ замѣнено идеей энергіи, къ которой сводятся всѣ извѣстныя намъ явленія физического міра. Если Оствальду, можетъ быть, и не удалось вполнѣ устраниТЬ матерію, какъ теоретически необходимый субстратъ физическихъ энергій, то все-таки остается несомнѣннымъ, что въ области эмпирическихъ отношеній этотъ субстратъ не играетъ никакой роли. Въ опытѣ мы имѣемъ дѣло только съ различными видами физической энергіи или работы; а переходъ отъ физической работы къ психической мыслится совершенно иначе, чѣмъ переходъ отъ материальной субстанціи къ духовной: это переходъ не отъ причины къ причинѣ, а отъ дѣйствія къ дѣйствію. Если намъ удастся подчинить психическую явленія общему понятію знергіи, то мы безъ труда можемъ распространить на нихъ и тѣ-же эмпирическія отношенія, какія свойственны всякой энергіи. Въ этомъ понятіи физические и психические процессы будутъ соединены въ одну общую систему, подчиняющуюся одному общему закону эквивалентности и сохраненія. Одновременно съ Оствальдомъ нѣмецкій философъ Лассвицъ сдѣлалъ попытку примѣнить методъ энергетики къ объясненію физиологического раздраженія. По его мнѣнію, нервные процессы, изъ которыхъ слагается физиологическое раздраженіе, не понятны съ точки зрѣнія молекулярной или атомистической теоріи. Эти процессы представляютъ собой особый видъ энергіи, и такъ-какъ при современномъ состояніи нашихъ знаній эта своеобразная форма энергіи несводима къ энергіямъ физическимъ, то Лассвицъ называетъ ее „психофизической“ энергіей. Различный „потенциалъ“ или различная интенсивность этой психофизической энергіи служитъ физиологическимъ коррелятомъ ощущеній, и задача науки состоитъ въ томъ, чтобы найти такие-же корреляты и для остальныхъ психическихъ процессовъ. Самъ Лассвицъ считаетъ возможнымъ объяснить при помощи энергетическихъ коррелятовъ возникновеніе чувствованій удовольствія и страданія, колебанія которыхъ, по его мнѣнію, зависятъ отъ повышенія и пониженія психофизической энергіи мозга. Взглядъ Лассвица на природу удовольствія и страданія напоминаетъ Н. Я. его собственную теорію чувствованій, какъ эквивалентовъ траты и накопленія энергій въ организмѣ; но идея психофизической энергіи кажется ему противорѣчивой и

мало полезной для психологическихъ цѣлей. Вѣдь, если Лассвицъ понимаетъ подъ „психофизическою энергией“ нервные процессы, то въ ней неѣть никакого психического элемента: это энергія физическая, или, если угодно, физиологическая. Съ другой стороны, если эта психофизическая энергія непревратима ни въ физические, ни въ психические процессы, то она не можетъ служить для психолога теоретическимъ принципомъ, объединяющимъ его изслѣдованія и міросозерцаніе. Не подчиняясь сама закону сохраненія энергіи, она вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяетъ распространить этотъ законъ и на психическую жизнь. Между тѣмъ, въ этомъ имению и состоитъ величайшая задача современной психологіи.

Чтобы решить, насколько примѣнимъ законъ сохраненія энергіи въ области душевныхъ явлений, нужно разсмотрѣть три вопроса: 1) существуетъ-ли *психическая энергія* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о физическихъ энергіяхъ? 2) возможенъ-ли *переходъ* психическихъ энергій другъ въ друга, въ физической энергіи и обратно?, и 3) возможно-ли допустить *количественное постоянство* психическихъ и физическихъ энергій при качественномъ превращеніи ихъ въ предѣлахъ извѣстной системы элементовъ? Изслѣдуя эти вопросы, Н. Я. на всѣ ихъ отвѣтываетъ утвердительно. Существование психической энергіи есть фактъ, не требующий собственно никакихъ доказательствъ. Подъ именемъ энергіи наука разумѣеть способность какого-нибудь дѣятеля или элемента производить работу, которая можетъ быть потенциальной или кинетическою и которая въ томъ и другомъ случаѣ подлежитъ количественной оцѣнкѣ. Но что такое вся наша душевная жизнь, какъ не непрерывная работа? Мы говоримъ о работѣ мысли, о работѣ воображенія, о работѣ чувства, о работѣ воли, и это не переносныя выраженія, такъ-какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ мы преодолѣваемъ препятствія и чувствуемъ духовную усилія и напряженія. Даже самый терминъ „энергія“ заимствованъ изъ области психологическихъ понятій: въ его основѣ лежитъ понятіе волевой энергіи. Всѣ эти формы психической энергіи или работы могутъ быть потенциальными, какъ душевые способности и скрытая воспоминанія, или кинетическими, какъ душевная дѣятельность и душевная движенія.

Наконецъ, онѣ могутъ имѣть всѣ тѣ количественные степени, какія мы обыкновенно различаемъ въ дарованіяхъ и талантахъ людей, въ силахъ ихъ ума, чувства и воли. Переходъ психическихъ энергій другъ въ друга и превращеніе ихъ въ физическія энергіи и обратно также не подлежатъ сомнѣнію. Ощущенія, испытываемыя нами подъ вліяніемъ виѣшняго міра, становятся представленіями; представленія преобразуются въ понятія; понятія переводятся на языки чувства, а чувство выражается въ волевыхъ хотѣніяхъ. Въ свою очередь, волевые хотѣнія порождаютъ рядъ новыхъ ощущеній, представленій, идей, чувствъ, волевыхъ актовъ, и т. д. Что такое этотъ психический круговоротъ, какъ не процессъ превращенія нашей душевной энергіи изъ одиныхъ ея формъ въ другія? Но психическая метаморфозы не ограничиваются этимъ внутреннимъ обмѣномъ душевныхъ элементовъ: они выходятъ за его предѣлы и сливаются въ общимъ круговоротомъ природы. Всѣ мы знаемъ, что наши душевныя состоянія выражаются во виѣшнихъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ, и этотъ фактъ служитъ самымъ простымъ и убѣдительнымъ примѣромъ перехода психической энергіи въ физическія формы. Все, что человѣкъ воплощаетъ въ словѣ и дѣйствіяхъ, все, что онъ создаетъ въ окружающей его материальной средѣ, есть лишь вещественный эквивалентъ его психической работы. Когда мы говоримъ о тратѣ и истощеніи нашихъ душевныхъ силъ, то о чёмъ идетъ здѣсь рѣчь, какъ не о превращеніи нашей психической энергіи въ физиологическія и физическія энергіи организма и среды? Психическая энергія не исчезаетъ и не можетъ исчезать безслѣдно: она преобразуется въ эквивалентныя ей формы органической и неорганической работы, которая становится ея замѣстителемъ. Съ другой стороны, мы на каждомъ шагу можемъ наблюдать случаи обратного перехода физическихъ энергій въ психическую. Вѣдь, тѣ виѣшнія впечатлѣнія, на почвѣ которыхъ выростаетъ нашъ духовный міръ, имѣютъ чисто физический характеръ; между тѣмъ, вступая въ область сознанія, они превращаются въ психическую работу. Мы тратимъ свою душевную энергию въ успѣяхъ мысли, въ движеніяхъ чувства, въ актахъ воли, въ борьбѣ съ самими собой, съ другими людьми и съ природой; но откуда же берется вновь

эта истраченная энергія? Она получается нами изъ организма и среды путемъ питания и дыханія, подъ дѣйствіемъ свѣта, теплоты, электричества и даже механическихъ толчковъ. Значеніе сна въ нашей жизни въ томъ именно и состоитъ, что здѣсь путемъ молекулярной работы организма восполняется исчерпанный запасъ физической и психической энергіи. Вліяніе природы, климата и окружающей обстановки на складъ ума, чувства и воли людей есть не что иное, какъ непрерывный переходъ физическихъ энергій въ психическая. Но если все это такъ, то не становится ли въ высшей степени вѣроятной гипотеза, что количество психической энергіи во всѣхъ этихъ превращеніяхъ остается такимъ-же постояннымъ, какъ и количество физической энергіи въ ея метаморфозахъ? Факты показываютъ, что есть известные предѣлы для увеличенія и уменьшенія душевной энергіи въ каждомъ человѣкѣ. У отдельныхъ людей эти предѣлы могутъ быть очень различны, но въ нихъ всегда наблюдается опредѣленное равновѣсіе между „кинетическими“ формами психической работы, т. е. наличными душевными дѣятельностями, и „потенціальными“ ея запасами, т. е. скрытыми душевными способностями. Если мы видимъ у человѣка преобладаніе умственной или волевой дѣятельности, то оно обыкновенно уравновѣшиваются ослабленіемъ чувствительности; напротивъ, сильное развитіе чувства нерѣдко сопровождается пониженіемъ умственныхъ интересовъ и волевой энергіи. Развитіе памяти часто происходитъ на счетъ развитія воображенія или сообразительности, и наоборотъ. Сопоставляя эти психологические плюсы и минусы, мы получимъ среднюю психологическую величину, которая сильно колеблется у различныхъ людей, но очень мало измѣняется у одного и того-же человѣка. То, что мы называемъ личностью, характеромъ, temperamentомъ, умственнымъ типомъ людей, есть не что иное, какъ равнодѣйствующая различныхъ психическихъ энергій, которая, при всѣхъ своихъ метаморфозахъ, сохраняютъ известное равновѣсіе. Если ихъ равновѣсіе слишкомъ сильно нарушается, то мы убѣждены, что имѣемъ дѣло съ патологическимъ случаемъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ нормальному человѣку существуетъ количественный балансъ психическихъ энергій. Эти энергіи могутъ находиться въ потенціальномъ состояніи

или обнаруживаться актуально; онъ могутъ принимать различные формы и развиваться однѣ въ ущербъ другимъ,— но общее количество ихъ продолжаетъ оставаться у каждого индивидуума приблизительно одинаковымъ. Такой-же количественный балансъ долженъ существовать и при переходѣ психическихъ энергій въ физической или обратно. Въ какихъ-бы явленияхъ ни выражалась работа,—въ физическихъ или въ психическихъ,—она всегда остается равной себѣ, и всеъ ея формы эквивалентны другъ другу. Человѣкъ получаетъ отъ своего организма и среды столько-же психической энергіи, сколько отдаетъ имъ, и отдаетъ столько-же, сколько получаетъ. Вмѣстѣ съ организмомъ и окружающей средой онъ составляетъ психофизическую систему, въ которой общая сумма психическихъ и физическихъ энергій, при всѣхъ возможныхъ превращеніяхъ ихъ другъ въ друга, сохраняется постоянной. Такова гипотеза, которая должна стать, по мнѣнію Н. Я., основнымъ методологическимъ принципомъ всѣхъ будущихъ изслѣдований душевной жизни. Эта гипотеза оправдывается какъ теоретическими соображеніями, такъ и фактами, и чтобы сдѣлаться научнымъ закономъ, требуетъ только математического обоснованія и проповѣдки. Если удастся найти точные физические и физіологические эквиваленты психической работы и выразить ихъ въ точныхъ математическихъ величинахъ, то мы получимъ возможность объяснить всеъ явленія душевного міра и всеъ формы его взаимодѣйствія съ окружающей средой. Первыми шагами въ этомъ направленіи являются современные попытки измѣрить термо-динамическая и электро-динамическая условія дѣятельности мозга, нервовъ и мышечной системы. Но полное изслѣдованіе механическихъ эквивалентовъ психической энергіи составляетъ задачу будущаго, и разрѣшить эту задачу должны уже не столько психологи, сколько физіологии и физики.

Теорія психической энергіи навлекла на Н. Я. упреки въ материализмъ. Вѣдь, если онъ допускаетъ превращеніе физическихъ энергій въ психическую, то не значить-ли это, что онъ разсматриваетъ душевныя явленія, какъ продуктъ матеріи? А если такъ, то что-же остается отъ идей души, свободы воли, бессмертія, для доказательства которыхъ онъ потратилъ такъ много усилий и пролилъ такъ много чернилъ?

Н. Я. рѣшительно протестовалъ противъ такого истолкованія его взглядовъ. Его можно было бы назвать материалистомъ, если бы онъ рѣшалъ метафизическій вопросъ объ отношеніи души и тѣла и разумѣлъ подъ превращеніемъ энергій преобразованіе материальныхъ процессовъ въ духовные по существу. Но его точка зрѣнія совершенно иная. Оставляя въ сторонѣ метафизическую оцѣнку душевныхъ и тѣлесныхъ явлений, онъ хочетъ уяснить только ихъ эмпирическія отношенія. Терминъ „энергія“ онъ употребляеть въ современномъ научномъ смыслѣ, т. е. понимаетъ подъ нимъ не силы или сущности, а только работу этихъ предполагаемыхъ сущностей и силъ. Поэтому, говоря о превращеніи физическихъ энергій въ психической, онъ имѣеть въ виду лишь замѣну физической работы эквивалентнымъ ей количествомъ психической работы. Что значить такая замѣна по существу, это другой вопросъ, котораго Н. Я. здѣсь не касается. Но если бы онъ поставилъ себѣ этотъ вопросъ, то онъ, конечно, рѣшилъ бы его не въ материалистическомъ смыслѣ, а въ духѣ тѣхъ идеалистическихъ началъ, философскому обоснованію которыхъ посвящены его прежніе труды. Вѣдь, чтобы понять отношеніе физическихъ и психическихъ энергій по существу, нужно уяснить себѣ природу тѣхъ дѣятелей, которые лежать въ ихъ основѣ. Но единственнымъ средствомъ для этой цѣли является анализъ содержанія нашего сознанія. Такъ-какъ сознанію непосредственно извѣстенъ только одинъ дѣятель въ природѣ, — наше собственное „я“ или *субъектъ*, то мы можемъ законно думать, что и всѣ другие дѣятели въ природѣ суть своего рода „я“ или *субъекты*. И такъ-какъ нашъ субъектъ, какъ носитель духовной энергіи, мы называемъ *душей* или *волей*, то тѣмъ-же именемъ можно было бы назвать и остальные субъекты или носители энергій во вселенной. Нужно только помнить, что въ предѣлахъ опыта подъ такими субъектами разумѣются не метафизическія субстанціи, а извѣстнаго рода логико-алгебраическіе знаки для выраженія эмпирически воспринимаемыхъ свойствъ субъектовъ — „быть источниками сознательного дѣйствія и носителями необходимыхъ для него энергій“. Какъ велика сумма потенциальныхъ энергій нашего субъекта или воли, мы въ точности не знаемъ. Факты заставляютъ насть допустить ея ограниченность; но эта ограниченность общей

суммы психическихъ энергій, способныхъ проявиться при данныхъ условіяхъ, по мнѣнію Н. Я., еще не решаетъ отрицательно вопросъ о свободѣ воли и бессмертіи личного сознанія. „Будучи продуктами сложной эволюціи природы, человѣческие организмы могутъ считаться такими значительными запасами потенциальныхъ психическихъ энергій, которые не могутъ быть истощены всею нашою жизнью и не могутъ находить въ средѣ такихъ абсолютныхъ противодействій, которыхъ-бы они не могли преодолѣвать при переходѣ своею въ кинетическое состояніе. Въ этомъ смыслѣ воля можетъ быть относительно *свободна*, а субъектъ, какъ дѣятель, *неистощимъ* въ своей внутренней потенциальной энергіи, которая можетъ быть переведена въ работу не только извнѣ-физическими толчками, но и изнутри—*самосознаніемъ*“. Что становится съ нашою психическою энергіей послѣ смерти? Разсвѣвается ли она въ мірѣ, или можетъ сохраняться въ своей индивидуальной формѣ? На этотъ вопросъ мы пока не имѣемъ отвѣта. Но такъ-какъ въ природѣ всякая энергія можетъ переноситься изъ одной системы или среды въ другую, то мы имѣемъ основаніе предполагать, что и психическая энергія послѣ смерти можетъ быть перенесена во всемъ своею цѣломъ и со всѣми своими индивидуальными свойствами (съ сознаніемъ и самосознаніемъ) изъ разрушеніаго тѣла въ другую систему элементовъ. Такою системой можетъ быть энирная среда, которая искоторыми современными учеными считается сферою дѣйствія психической энергіи даже въ самомъ организмѣ,—въ нервной системѣ. „Душа человѣка, въ прежнемъ значеніи слова, можетъ быть, и есть эта энирная первая среда, вмѣстѣ съ ея особыми психическими энергіями? Если тепловая энергія переходитъ изъ одного тѣла въ другое, а электрический токъ или энергія переходитъ по проволокѣ изъ одного аппарата въ другой, то почему (а priori) психической токъ не можетъ перейти чрезъ энирную среду въ другія тѣла или пространства? На почвѣ энергетизма ученіе о бессмертіи личного сознанія, можетъ быть, со временемъ найдетъ себѣ новое, *научное* оправданіе“.

Мы не думаемъ, чтобы Н. Я. принимать очень серьезно эту гипотезу „энираго бессмертія“: она слишкомъ напоминаетъ намъ фантастическую болтовню Камилла Фламмарiona.

Природа энтира извѣстна намъ несравненно менѣе природы души, и вводить это новое неизвѣстное въ проблему бессмертія значитъ только запутывать ее. Впрочемъ, подобный способъ рѣшенія этой метафизической проблемы ложенъ въ самомъ принципѣ. Вѣдь, міръ бессмертія лежитъ за предѣлами нашего опыта: слѣдовательно, идея бессмертія не можетъ быть обоснована на почвѣ эмпирическихъ началь. Нужно допустить позади извѣстныхъ намъ явленій трансцендентное бытіе и въ немъ искать основаній для философского построенія этой идеи. А признать трансцендентное бытіе философъ долженъ даже и въ томъ случаѣ, если-бы онъ захотѣлъ понять эмпирическія отношенія душевныхъ и физическихъ явленій съ точки зрѣнія энергетики. Н. Я. самъ настаиваетъ на необходимости отдатьить метафизическіе вопросы отъ эмпирическихъ; но разграничивая эти вопросы, не нужно смѣшивать и методы ихъ рѣшенія. Не болѣе удачна и попытка Н. Я. связать съ своею теоріей психической энергіи идею свободы воли. Превращеніе физическихъ энергій въ психической и обратно онъ признаетъ такимъ-же механическимъ процессомъ, какъ и переходъ физическихъ энергій другъ въ друга. Поэтому для насть является совершенно неожиданнымъ его заявленіе, что потенціальная энергія организма могутъ быть переведены въ психическую работу не только вѣнчими механическими толчками, но и внутреннею дѣятельностью нашего „самосознанія“. Развѣ механическій круговоротъ энергій допускаетъ свободное вмѣшательство субъекта? И развѣ свободные акты субъекта дѣлаютъ возможными чисто механическія превращенія? Н. Я. могъ-бы примирить идею свободы съ своею теоріей лишь въ томъ случаѣ, если-бы онъ допустилъ, что процессъ превращенія энергій по существу имѣеть не механическій, а произвольный характеръ, что не только въ предѣлахъ нашего сознанія, но и въ природѣ этотъ процессъ обусловливается дѣйствиемъ свободныхъ и разумныхъ силъ, что его механизмъ есть только призрачное явленіе, скрывающее отъ нашихъ глазъ дѣйствительный міръ умопостигаемой свободы. И разъ онъ не рѣшился на такой метафизической шагъ, ему нельзя было говорить о свободѣ воли. Но если Н. Я. не удалось оправдать идеи свободы и бессмертія съ точки зрѣнія своей энергетики, то его протестъ противъ обвиненій въ матеріа-

лизмъ имѣлъ свои основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если Н. Я. остается въ границахъ опыта и понимаетъ подъ „энергіей“ только *работу* какихъ-нибудь агентовъ или силъ, то его мысль о превращеніи физическихъ энергій въ психической и обратно еще не ведетъ къ материалистическому объясненію душевной жизни. Понятіе работы имѣеть такой-же общий и отвлеченный характеръ, какъ любой алгебраический знакъ: оно обозначаетъ только сумму извѣстныхъ дѣйствій, которая всегда можетъ быть замѣнена равною ей суммой другихъ дѣйствій и которая остается при этой замѣнѣ одною и той-же, каковы-бы ни были ея слагаемыя. Это однородная по своему значенію потенціальная или актуальная величина, подлежащая качественной и количественной оцѣнкѣ и допускающая всѣ формы качественного и количественного замѣщенія. Въ этомъ смыслѣ превращеніе физической энергіи или работы въ эквивалентную ей форму психической работы есть не что иное, какъ *замѣщеніе* какой-нибудь суммы дѣйствій, состоящей изъ физическихъ единицъ, другою та-кою-же суммой, слагающейся изъ психическихъ единицъ. Вѣдь, и превращеніе физическихъ энергій другъ въ друга въ природѣ не идетъ съ точки зрењія опыта далѣе такого чисто математического отношенія. Всякій эквивалентъ энергіи, каковъ-бы онъ ни былъ, въ эмпірическомъ смыслѣ есть только ея замѣститель, субститутъ. О метафизическомъ превращеніи однѣхъ спѣль въ другія въ предѣлахъ чистаго опыта не можетъ быть рѣчи. Если-же Н. Я. (какъ это отчасти и есть на самомъ дѣлѣ) выходитъ за границы опыта и разумѣеть подъ энергией не только работу, но и *силу*, которую производится эта работа, то философское истолкованіе его тезиса о превращеніи физическихъ энергій въ психическую зависитъ оттого, какъ онъ смотритъ на природу физическихъ силъ. Если онъ считаетъ эти силы материальными, то онъ материалистъ; если-же опѣ усвояетъ имъ идеальную или духовную природу, то онъ не материалистъ, а идеалистъ или спиритуалистъ. Для того, чтобы допустить теоретическую возможность перехода физическихъ силъ въ психическую, вовсе не нужно быть непремѣнно материалистомъ; для этого достаточно быть только *монистомъ*, т. е. признавать эти силы формами какого-нибудь *единаго* начала. Какова природа этого единаго начала,—материальная или духовная,—это въ дан-

номъ случаѣ безразлично. Спиритуалистической монизмъ не только мыслимъ на ряду съ материалистическою гипотезой, но даже имѣть всѣ теоретическія преимущества передъ нею. Вѣдь, существа матеріи мы абсолютно не знаемъ; мы знаемъ ее только въ формѣ нашихъ собственныхъ ощущеній и представлений. А такъ-какъ правиломъ всячаго научнаго объясненія должно быть выведеніе неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, то мы должны объяснять не психические процессы изъ свойствъ матеріи, а матерію изъ свойствъ психическихъ процессовъ: мы должны прийти къ выводу, что такъ называемая „матерія“ и дѣйствующія въ ней физическія силы суть только феноменъ, выражаютій въ своеобразной формѣ взаимодѣйствіе чисто духовныхъ элементовъ и силь. Съ этой точки зрѣнія вся природа превращается въ царство духа, а матерія становится простымъ миражемъ, обманывающимъ наши чувства, или теоретическимъ предразсудкомъ, обманывающимъ нашъ умъ. Какова-же точка зрѣнія Н. Я.? Что онъ не материалистъ, это, дѣйствительно, доказываютъ всѣ сочиненія его метафизического периода: онъ не только въ принципѣ отвергалъ материалистическое объясненіе вселенной, но и пытался построить свое міросозерцаніе на идеалистическихъ началахъ. Правда, судя по его прежнимъ работамъ, Н. Я. нельзя назвать также и послѣдовательнымъ спиритуалистическимъ монистомъ: постоянно колеблясь между монизмомъ и дуализмомъ, приближаясь то къ одному, то къ другому изъ нихъ или пытаясь объединить ихъ въ какой-нибудь средней примиряющей формулѣ, онъ не успѣлъ прийти къ определенному взгляду на основные принципы дѣйствительности. Но спиритуалистической монизмъ во всякомъ случаѣ гораздо болѣе соответствуетъ общему духу его философскихъ воззрѣній, чѣмъ материализмъ. Вотъ почему теперь онъ прямо становится на точку зрѣнія этой гипотезы, когда говорить, что единственнымъ средствомъ для уясненія природы физическихъ силь является анализъ нашего сознанія, что всѣ дѣятели природы суть по своему „субъекты“ или „я“, что каждый изъ нихъ можетъ быть названъ „душой“ или „волей“. При всей осторожности своихъ выражений, онъ дѣлаетъ здѣсь рѣшительный шагъ къ одухотворенію вселенной, и мы исколко не сомнѣваемся, что позднѣе, при послѣдовательномъ развитіи его взгля-

довъ, онъ пришелъ бы къ полному монизму на чисто спиритуалистической основе.

Но если Н. Я. действительно могъ преодолѣть всѣ эти философскія затрудненія, то слѣдуетъ ли отсюда, что его теорія психической энергіи имѣетъ твердую почву и можетъ служить руководящимъ принципомъ будущихъ психологическихъ изслѣдованій? Дѣло въ томъ, что кромѣ философскихъ или метафизическихъ затрудненій, она встрѣчается еще съ трудностями чисто научными. Если въ настоящее время законъ сохраненія энергіи считается закономъ исключительно физического міра, то этотъ взглядъ имѣть не только теоретическая, но и фактическая основанія. Доказано фактами, что сумма *физическіхъ* энергій остается въ предѣлахъ извѣстной системы элементовъ постоянной и можетъ быть вычислена математически. Поэтому, ввести въ такую систему элементовъ еще психическую энергию, значитъ прибавить къ суммѣ физическихъ энергій плюсъ, который рѣшительно некуда дѣвать. Если физическая энергія (какъ таковая) сохраняются неизмѣнными, то онъ, конечно, не могутъ превращаться въ психическую энергию, потому что въ этомъ случаѣ ихъ количество должно уменьшаться; если же онъ подвергаются этой метаморфозѣ, то онъ не могутъ сохраняться. А такъ-какъ сохраненіе физическихъ энергій есть несомнѣнныи фактъ, съ которымъ связаны всѣ выводы современной физики, то о превращеніи ихъ въ психическую работу, повидимому, не можетъ быть рѣчи. Такимъ образомъ, помимо всякихъ философскихъ соображеній, теорія Н. Я. противорѣчитъ тѣмъ эмпірическимъ даннымъ, на которыхъ утверждается законъ сохраненія энергіи въ его современномъ смыслѣ, и постѣдовательное проведение этой теоріи могло бы поколебать самыя жизненные основы естествознанія. Однако, допустимъ, что Н. Я. удалось бы какимъ-нибудь образомъ устранить даже это противорѣчіе: его теорія психической энергіи остается все-таки безполезной для психологіи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Вѣдь, для того, чтобы создать руководящій принципъ для научного изслѣдованія, недостаточно признать только его общую теоретическую возможность; нужно сдѣлать его эмпірическою истиной и показать возможность его практическаго примѣненія. Какъ философская гипотеза, законъ со-

храненія енергії була висказана еще Декартомъ и Лейбницемъ; но въ естествознаніи онъ не игралъ ни малѣйшої роли до тѣхъ поръ, пока Ю. Р. Майеръ, Гельмгольцъ и Джоуль не дали ему первоначального ємпірическаго и математическаго обоснованія. То-же условіе требуется и для примѣненія этого закона въ психології. Въ концѣ концовъ самъ Н. Я. сознаетъ, что энергетическое объясненіе душевныхъ процессовъ и ихъ взаимодѣйствія съ окружающею средой возможно только тогда, когда мы найдемъ для нихъ точные механические эквиваленты и выразимъ эти эквиваленты въ точныхъ математическихъ величинахъ. Но онъ, повидимому, опускаетъ изъ виду, что въ этомъ-то именно и состоитъ *вся* задача, до разрѣшенія которой мысль о подчиненіи душевной жизни закону сохраненія энергії останется лишь безплодной мечтой. Разрѣшима-ли эта задача? Въ настоящее время нѣть никакихъ данныхъ, которые позволили бы намъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Тѣ изслѣдованія термо-динамическихъ и электро-динамическихъ процессовъ въ нервной системѣ, на которыхъ указываетъ Н. Я. пытаются опредѣлить не эквиваленты душевныхъ явлений, а только ихъ *корреляты*, т. е. соотносительная или параллельная имъ физическая измѣненія. Считать эти измѣненія эквивалентами психической работы нельзѧ уже потому, что они, по современнымъ научнымъ возврѣніямъ, происходятъ одновременно съ душевными состояніями. Притомъ, отношеніе данныхъ процессовъ къ параллельнымъ психическимъ состояніямъ совсѣмъ не поддается математической формулировкѣ. Единственное психофизическое отношеніе, которое до сихъ поръ удалось выразить математически, и то лишь съ приблизительною точностью, есть отношеніе интенсивности ощущеній къ интенсивности соответствующихъ имъ раздраженій. Но математическая формула этого отношенія (Веберовъ законъ) не только не подтверждаетъ мысли объ эквивалентности психической и физической работы, а прямо опровергаетъ ее: она показываетъ, что интенсивность ощущенія измѣняется лишь какъ логарифмъ раздраженія. Отсюда, нѣть никакихъ оснований надѣяться, чтобы эта проблема могла быть разрѣшена и въ будущемъ.

Предоставивъ будущему научное оправданіе своей теоріи

психической энергії, Н. Я. сосредоточился на другомъ вопросѣ. Если психическая энергія подчиняется закону сохраненія, то какъ примирить съ этимъ закономъ фактъ мірового *прогресса?* Вѣдь, прогрессъ есть не что иное, какъ постоянное возрастаніе духовной энергіи во вселенной. Но мѣрѣ того, какъ человѣчество движется впередъ по пути своего развитія, духъ одерживаетъ все большія и большія побѣды надъ матеріей, расширяется сознаніе и самосознаніе людей, возрастаєтъ нравственная цѣнность ихъ жизни, увеличивается ихъ мощь въ борбѣ съ природой, умножаются ихъ средства для достижения идеальныхъ цѣлей, накапливается умственное богатство поколѣній. Возможно ли понять эти явленія, допуская количественное постоянство энергіи? Н. Я. отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Онъ находитъ, что его психологическая энергетика не только не противорѣчитъ идеѣ прогресса, но, напротивъ, даетъ ей совершенно новое и болѣе глубокое освѣщеніе. Въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ былъ бы дѣйствительно непонятнымъ, еслибы Н. Я. считалъ душевные процессы замкнутою въ себѣ системой и говорилъ о сохраненіи одной только психической энергіи, независимо отъ физическихъ энергій организма и окружающей среды. Но онъ разсматриваетъ психологія явленія только какъ элементъ извѣстной психофизической системы, а духовный міръ вообще какъ часть въ цѣлой системѣ природы. Поэтому онъ допускаетъ сохраненіе психической энергіи лишь вмѣстѣ съ физическими, которыя, при количественномъ постоянствѣ энергіи вообще, постоянно переходятъ въ новыя по качеству, психическая формы. Другими словами, по его мнѣнію, сохраняется неизменной только общая *сума* психической и физической энергіи въ каждой психофизической системѣ и въ цѣлой вселенной; но въ то-же время въ предѣлахъ каждой системы и въ иѣдрахъ цѣлой вселенной совершаются непрерывная *трансформація* низшихъ, физическихъ энергій въ высшую, психическую работу, и въ этой-то именно трансформаціи состоить прогрессъ. Если въ результатахъ прогресса количество психической энергіи возрастаетъ, то это происходитъ лишь на счетъ уменьшенія физическихъ энергій; но уменьшеніе физической работы и возрастаніе психической уравновѣшиваются другъ друга и общий балансъ энергіи въ

міръ остается всегда одинъ и тотъ-же. Такія именно ідеи лежать въ основѣ послѣдней статьи Н. Я., *Критика понятія прогресса*¹⁾.

Несмотря на то, что Н. Я. назвалъ эту статью „kritикой“, въ ней очень мало критического элемента. Она представляеть собою скорѣе дедуктивное и по существу догматическое построение понятія прогресса, имѣющее цѣлью примирить противоположныя формулы „объективистовъ“ и „субъективистовъ“. Какъ извѣстно, соціологи объективнаго направления хотятъ устранить изъ этого понятія всѣ субъективные элементы и факторы и отождествляютъ прогрессъ съ чисто механическою эволюціей, обусловленной слѣпымъ взаимодѣйствіемъ силъ природы. Личныя человѣческія усиленія, стремленія, цѣли и идеалы являются, по ихъ мнѣнію, не причинами этого механическаго процесса, а только слѣдствіями его. Напротивъ, соціологи-субъективисты именно и считаютъ эти личные факторы главными двигателями прогресса. Различая прогрессъ отъ эволюціи или простого развитія, они разсматриваютъ его не какъ механическій, а какъ телевологический процессъ, создаваемый преимущественно стремленіями, идеями и цѣлями личности. Когда Н. Я. въ первый разъ изслѣдовалъ вопросъ о прогрессѣ (въ 1883 г.), онъ, какъ мы видѣли, стоялъ на точкѣ зрѣнія Спенсера и защищалъ объективный методъ. Примѣнняя въ области соціологии одну изъ механическихъ аксиомъ естествознанія, онъ опредѣлялъ прогрессъ, какъ „экономизацію энергій природы, которая ведетъ въ концѣ концовъ къ возрастанію суммы удовольствій человѣка и уменьшенію суммы его страданій“. Но онъ не замѣтилъ, что въ этой объективной и механической формулѣ уже заключался субъективный и телевологический элементъ, такъ-какъ возрастаніе удовольствій и уменьшеніе страданій людей есть, по его представлению, не что иное, какъ субъективная цѣль или конечная причина прогресса. Припоминая теперь эту формулу, Н. Я. находитъ, что невольная уступка субъективизму, которую онъ въ ней сдѣлалъ, была вызвана необходимостью. Дѣло въ томъ, что и субъективисты, и объективисты по своему правы и ихъ взгляды не только не исключаютъ другъ друга,

¹⁾ Вопросы философии и психологии, 1898, кн. 45.

а напротивъ, взаимно дополняютъ. Прогрессъ имѣеть, конечно, объективную и механическую основу: будучи общимъ выражениемъ не только человѣческой, но и мировой жизни, онъ неизбѣжно подчиняется тѣмъ-же законамъ, которымъ подвластны всѣ отдѣльные явленія міра. Но въ то-же время невозможно отрицать и той громадной роли, какую играютъ въ немъ субъективные и телеологические факторы: на почвѣ механическихъ законовъ природы выростаетъ царство духа, разума и воли, и свободная дѣятельность этихъ высшихъ силъ подчиняетъ объективное развитіе вещей субъективнымъ идеаламъ и цѣлямъ. Такимъ образомъ, въ прогрессѣ нужно различать двоякую сторону, и правильная формула этого явленія должна быть синтезомъ объективизма и субъективизма. Дать такую именно синтетическую формулу прогресса Н. Я. и ставить своею задачей. Опираясь на свою теорію психической энергіи, онъ опредѣляетъ теперь прогрессъ слѣдующимъ образомъ: „*прогрессъ въ жизни вселенной есть увеличеніе нравственной цѣнности этой жизни, происходящее отъ роста въ ней самосознанія, которое зависитъ отъ превращенія мировыхъ энергий изъ низшихъ формъ въ высшія чрезъ ихъ экономизацію и накопленіе*“. Эта формула состоитъ изъ двухъ частей, тѣсно связанныхъ между собой и взаимно предполагающихъ другъ друга. Въ первой части выражается цѣль прогресса („увеличеніе нравственной цѣнности жизни“) и его ближайшее *условіе* („ростъ самосознанія въ мірѣ“), а во второй части опредѣляются его послѣднія *причины и основы* („превращеніе мировыхъ энергий изъ низшихъ формъ въ высшія путемъ ихъ экономизаціи и накопленія ихъ свободныхъ запасовъ“). Мысль, что цѣлью прогресса должно быть увеличеніе нравственной цѣнности жизни во вселенной, есть исторический и этический постулатъ. Вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ постепенное осуществленіе этой нравственной задачи. По мнѣнію Н. Я., достаточно только сравнить состояніе дикарей съ жизнью современныхъ цивилизованныхъ обществъ, чтобы убѣдиться, какъ возрасла и продолжаетъ расти нравственная цѣнность жизни въ мірѣ. Нельзя ставить цѣлью прогресса увеличеніе человѣческаго счастья на землѣ, какъ хотятъ соціологи-субъективисты и какъ хотѣлъ ранѣе самъ Н. Я.: не говоря уже о томъ, что эта эвдемонистическая

цѣль слишкомъ узка, она противорѣчить основной идеѣ нравственной дѣятельности человѣчества,—идеѣ долга. Но есть всѣ основанія думать, что вмѣстѣ съ возрастанiemъ нравственной цѣнности жизни сама собой увеличивается и сумма человѣческаго счастья. Въ томъ, что ближайшимъ условиемъ увеличенія нравственной цѣнности жизни является развитіе сознанія и самосознанія въ людяхъ, едва-ли кто-нибудь усомнится. Вѣдь, только человѣческое сознаніе и самосознаніе можетъ оцѣнивать вещи, и нравственная цѣнность жизни есть прежде всего *сознаніе* этой цѣнности. Вотъ почему развитіе сознанія и самосознанія въ человѣчествѣ идетъ параллельно съ развитіемъ его нравственнаго идеала. Постепенный ростъ этихъ духовныхъ силъ есть законъ не только человѣческой исторіи, но и всей природы. Вся эволюція природы, по современнымъ воззрѣніямъ, является лишь средствомъ для развитія сознанія и самосознанія во вселенной. Но какъ происходитъ ростъ сознанія и самосознанія въ мірѣ? Отвѣтъ на этотъ основной вопросъ даетъ вторая часть формулы. Сознаніе и самосознаніе суть виды психической энергіи, а психическая энергія есть видъ энергій вообще. Энергія въ природѣ подчиняется закону количественного сохраненія и качественной трансформації. По мѣрѣ накопленія ея свободныхъ потенціальныхъ запасовъ въ организмахъ, она превращается изъ низшихъ, физическихъ формъ въ высшія, психическая, т. е. становится сознаніемъ и самосознаніемъ. Путемъ такой метаморфозы природа блистательно разрѣшетъ задачу: достигать наиболѣшихъ результатовъ при наименьшей тратѣ силъ. Замѣняя грубую физическую работу болѣе совершенною дѣятельностью психическихъ факторовъ, она создаетъ на почвѣ механическаго развитія вещей духовный прогрессъ, руководимый субъективными идеалами и цѣлями. Такимъ образомъ, если цѣлью прогресса служитъ возрастаніе нравственной цѣнности жизни въ мірѣ, а его ближайшимъ условиемъ является развитіе сознанія и самосознанія во вселенной, то его послѣдняя основа заключается въ превращеніи физическихъ энергій въ психическую благодаря ихъ экономизаціи и накопленію. Первая часть этой формулы выражаетъ субъективную или телологическую сторону прогресса, а вторая его объективную или механическую сторону. Разматривая

субъективные и объективные моменты прогресса какъ цѣль тѣсно связанныхъ причинъ и дѣйствій, эта синтетическая формула вполни исчерпываетъ его понятіе и разрѣшаетъ всѣ споры объективистовъ и субъективистовъ.

Вопросъ о прогрессѣ былъ послѣднимъ этапомъ философскихъ скитаній Н. Я. Подчиняя прогрессъ этическимъ цѣлямъ, Н. Я. отождествлялъ этотъ вопросъ съ общею проблемой „о назначеніи и нравственномъ смыслѣ нашей человѣческой и міровой жизни“ и называлъ его „узломъ, въ которомъ сходятся всѣ нити философскаго міросозерцанія человѣка и человѣчества“. Поэтому онъ хотѣлъ посвятить ему цѣлый рядъ статей, въ которыхъ намѣревался всесторонне разработать свои взгляды и защитить ихъ отъ различныхъ возраженій. Но преждевременная смерть не позволила ему осуществить этихъ намѣреній. Полный широкихъ замысловъ и плановъ, Н. Я. умеръ отъ паралича сердца, неожиданно для другихъ и неожиданно для себя самого.

Если мы бросимъ общий взглядъ на философское развитіе Н. Я., то мы можемъ найти въ немъ три эпохи, совершенно различающихся по своимъ основнымъ принципамъ. Въ первый періодъ Н. Я. былъ чистымъ позитивистомъ. Онъ безусловно отрицалъ метафизику, какъ познаніе дѣйствительности, и считалъ философию своеобразнымъ искусствомъ, идеиною поэзіей, которая можетъ удовлетворять извѣстные субъективные запросы, но не имѣть никакого научного значенія. Во второй періодъ, начинающейся съ появленія книжки *Джордано Бруно и пантегиазъ* въ 1885 г., онъ становится чистымъ метафизикомъ. Придя послѣ многихъ колебаній къ признанію метафизики, какъ науки, онъ посвящаетъ теперь всѣ свои усилия философскому оправданію идей Бога, души, свободы воли, долга и бессмертія. Въ то-же время онъ обрушивается съ страстью критикой на современную психологію, отвергая ея феноменизмъ, ея механическій взглядъ на душевную жизнь, ея методы и результаты. Въ третій періодъ, открывающейся статьей *Основанія экспериментальной психологіи* въ 1895 г., Н. Я. стремится примирить позитивное изслѣдованіе съ метафизическими и этическими идеалами. Становясь на точку зрѣнія того самаго механическаго міровоззрѣнія, которое онъ

только-что рѣзко оспаривалъ, онъ хочетъ, съ одной стороны, обосновать методы и теоретические принципы психологіи, съ другой — разрѣшить на почвѣ этихъ принциповъ вопросъ о прогрессѣ. Но въ то-же время онъ не забываетъ и своихъ прежнихъ метафизическихъ идей, стараясь до нѣкоторой степени согласить ихъ съ своими новыми взглядами. Такимъ образомъ, Н. Я. перемѣнилъ три совершенно разныхъ міросозерцанія, которые въ свою очередь значительно колебались и измѣнялись въ теченіе каждого пе-риода.

Какъ понять эту своеобразную философскую эволюцію? Было-бы несправедливо думать, что она объясняется просто неустойчивостью мысли Н. Я., его чрезмѣрно умственными впечатлительностью, его легкомысленною склонностью мѣнять свои взгляды подъ влияніемъ чужихъ идей. По нашему мнѣнію, она имѣла другія и болѣе глубокія причины. Въ Н. Я. постоянно боролись двѣ противоположныхъ и вѣчно враждебныхъ стихіи души человѣческой,—скептическій умъ и жаждущее идеала сердце. Воспитанный на позитивныхъ идеяхъ Канта и Спенсера, Н. Я. привыкъ считать единственною дѣйствительностью міръ чувственныхъ явлений, и всѣ сверхъопытные и сверхчувственные идеалы казались его уму пустыми иллюзіями. Но его сердце протестовало противъ такого безотраднаго міросозерцанія. Оно говорило ему, что человѣческая жизнь превращается въ пустую и глупую шутку, если за предѣлами чувственного міра нѣтъ другой, высшей дѣйствительности, что наши представленія о нравственномъ долгѣ и наши мечты о счастьѣ только тогда получаютъ смыслъ, когда они озарены и согрѣты вѣрой въ неземные идеалы. И вотъ, смотря по тому, какая изъ этихъ двухъ стихій одерживала верхъ въ его душѣ, онъ становился позитивистомъ или метафизикомъ, эмпирікомъ или идеалистомъ. Въ эпоху скептической юности онъ шелъ исключительно по дорогѣ опыта, не видя ничего позади тѣхъ чувственныхъ явлений, которые непосредственно открывались его взору. Позднѣе, въ болѣе зрѣлую пору, пробудившіяся этическія потребности и запросы сердца заставили его свернуть съ этой дороги и увлекли въ волшебную страну метафизическихъ идеаловъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы жизни онъ вновь вышелъ на путь позитивнаго изслѣдова-

шія, вспоминая иногда тѣ чудныя видѣнія, которыя онъ созерцать въ сверхчувственномъ мірѣ. Н. Я. не былъ жалкимъ философскимъ хамелеономъ, готовымъ по произволу менять свои убѣжденія. Это былъ симпатичный и искренний *философскій скиталецъ*, искавшій въ мірѣ идей пріюта для своей пытливой мысли и тоскующаго сердца. Въ этомъ заключается маленькая трагедія его жизни, и въ этомъ-же лежить разгадка его капризного философскаго развитія.

Въ лицѣ Н. Я. Грота русская философія потеряла несомнѣнно одну изъ самыхъ выдающихся своихъ современныхъ силъ. Замѣчательно талантливая натура, Н. Я. соединяла въ себѣ свойства выдающагося мыслителя и блестящаго писателя. Его смѣлый, своеобразный и удивительно гибкій умъ былъ почти однаково способенъ какъ къ аналитической, такъ и въ синтетической философской работе и умѣль найти выходъ изъ всевозможныхъ логическихъ затрудненій, а его талантливое перо умѣло облекать самыя трудныя вещи въ простую, ясную и привлекательную форму. Онъ обладалъ способностью ткать изъ себя тонкую паутину идей и создавать изъ нихъ, правда не всегда прочныя, но замѣчательно стройныя и красивыя построенія. Тамъ, где у него подъ ногами была твердая идеиная почва, онъ умѣль быть логически послѣдовательнымъ, и ему принадлежитъ очень милый афоризмъ: „бояться логики логически мыслящему существу по меньшей мѣрѣ не логично“. Но тамъ, где логика не могла оказать ему своихъ услугъ, онъ не боялся также парадоксовъ и противорѣчій. Ему не всегда удавалось быть убѣдительнымъ, но онъ почти всегда умѣль быть интереснымъ. Вотъ какъ характеризовалъ Н. Я. въ свое время его философскій противникъ, Архіепископъ Никаноръ: „Онъ дѣйствительно философъ необычайно способный, необычайно разнообразный, отлично подготовленный, замѣчательно обильный, замѣчательно ясный въ изложеніи, даже строго логичный въ выводахъ изъ разъ положенныхъ началь. Философская эрудиція его огромна¹⁾. Онъ знакомъ съ философами не только повѣшшихъ временъ, но и глубокой эллиптической классической древности въ ихъ подлинныхъ твореніяхъ. Замѣчательно знакомство его и съ выводами совре-

¹⁾ Тутъ есть, быть можетъ, нѣкоторое преувеличеніе

менной естественной науки, безъ котораго нынѣ нельзя строить философию... По моему искреннему убѣжденію, основанному на разностороннемъ знакомствѣ съ сочиненіями его, столько-же и лично съ ихъ авторомъ-философомъ, эту юную, широко подготовленную, въ высшей степени способную для работы на высшемъ поприщѣ философскаго мышленія, свободно поворачивающую въ сторону философствованія наиболѣе благонадежнаго и желательнаго, умственную силу слѣдуетъ всѣми способами сохранить и поддержать, содѣйствуя ей къ болѣе и болѣе широкому саморазвитію, хотя отчасти, по возможности незамѣтно, и ограничивая ее въ ея увлеченіяхъ на сторону чужеродныхъ научныхъ вѣяній, въ увлеченіяхъ, которыя могли быть вредны какъ для нея самой, такъ и для круга, гдѣ дѣйствуетъ ея вліяніе¹⁾). И становится искренно жаль, что эта богатая умственная сила, которую хотѣли сохранить люди, не была пощажена преждевременною смертью.

Н. Я. былъ замѣчательно плодовитый и разнообразный философскій писатель. Въ настоящемъ очеркѣ мы разсмотрѣли большинство его сочиненій, по мы не исчерпали ихъ всѣхъ. Такъ, мы совсѣмъ не касались его работъ по исторіи философіи²⁾ и статей, написанныхъ на разныя злобы дня³⁾. Какъ мы видѣли, опъ затрагивается въ своихъ работахъ почти всѣ области философскаго мышленія и разсматриваются самые разнообразные вопросы. И нельзя сказать, чтобы онъ гдѣ-нибудь повторялся въ нихъ. Даже тамъ, где онъ, повидимому, перепѣваетъ старыя пѣсни, онъ вноситъ въ нихъ новые мотивы, совершенно измѣняющіе ихъ характеръ. Его сочиненія отражаютъ въ себѣ самыя разнообразныя умственныя вліянія. Въ нихъ можно замѣтить слѣды идей О. Канта,

¹⁾ „Направленіе и значеніе философіи Николая Грома“, *Правосл. Обозрѣніе*, 1886 г., октябрь, стр. 319—320

²⁾ „О значеніи философіи Шопенгауера“, *Труды Моск. Психол. Общ.*, вып. I, 1888; „О жизни и личности Декарта“, *Вопросы фил. и психол.*, кн. 35, 1896; „Введение въ исторію новой философіи“, Тамъ-же кн. 7, 1891; „Основные моменты въ развитіи новой философіи“, Тамъ-же, кн. 8, 9, 10, 13, 18, 20, 1891—1893 гг.

³⁾ Наприм., „Нравственные идеалы нашего времени (Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой)“, *Вопр. фил. и псих.*, кн. 16, 1893; „Л. Е. Астафьевъ“, некрологъ, Тамъ-же, кн. 18, 1893; „Памяти Н. Н. Страхова Кѣ характеристики его философскаго міросозерцанія“, Тамъ-же кн. 32, 1896, и др.

Спенсера, Дюринга, Альб. Ланге, Джордано Бруно, Платона, Канта, Шопенгауэра, Дюмона, Зигварта, Джемса, Оствалльда, архіеп. Никанора, гр. Л. Толстого, Влад. Соловьева, и др. Но подчиняясь, какъ и всякий мыслитель, вліяню чужихъ взглядовъ, онъ не былъ ни компиляторомъ, ни подражателемъ. Это былъ творческій умъ, способный самостоятельно мыслить и создавать изъ своихъ и чужихъ ідей оригинальныя философскія построенія. Мы подвергли критическому разбору многія ихъ этихъ построеній и нашли, что они далеко не всегда могутъ удовлетворить мысль. Но если мы взяли на себя этотъ трудъ, то лишь въ убѣждениі, что они стоять критического разбора. Въ нихъ много идеи, иногда глубокихъ и своеобразныхъ, и даже въ тѣхъ случаихъ, когда эти идеи ложны, они поучительны и интересны. Они могутъ будить мысль, рождать новые идеи, наталкивать на новые вопросы. Вотъ почему сочиненія Н. Я. имѣли такое большое вліяніе на философское развитіе русского общества и, безъ сомнѣнія, будутъ его имѣть впослѣдствіи. Въ настоящее время Московское Психологическое Общество по порученію вдовы Н. Я. намѣревается издать полное собраніе его сочиненій. Въ интересахъ русской философіи мы отъ души желаемъ полнаго успѣха этому изданію.

Н. Я. былъ не только мыслителемъ, но и выдающимся дѣятелемъ. Московское Психологическое Общество обязано ему своимъ процвѣтаніемъ, а русская философія первымъ специально философскимъ журналомъ. Основанное въ 1885 г. проф. М. М. Троицкимъ, Московское Психологическое Общество въ первые годы существовало почти только по имени. Но его жизнь совершенно измѣнилась, когда во главѣ его стала Н. Я. Изъ незамѣтного и малолюдного учрежденія оно превратилось въ одинъ изъ самыхъ значительныхъ умственныхъ центровъ Москвы. Въ немъ собирались люди самыхъ разнообразныхъ убѣждений и профессій,—метафизики и позитивисты, философы и врачи, психологи и математики, натуралисты и историки, юристы и педагоги. И Общество достигло такихъ результатовъ главнымъ образомъ благодаря личнымъ усилиямъ Н. Я. Нужно было его увлеченіе философіей, чтобы внушить интересъ къ ней такимъ разнообразнымъ и противорѣчивымъ элементамъ, и нуженъ былъ его организаторскій талантъ, чтобы съединить и объединить ихъ.

Въ настоящее время, когда журналъ *Вопросы философии и психологіи* существуетъ уже десять лѣтъ, его основаніе можетъ показаться очень простымъ и естественнымъ дѣломъ. Но не такимъ оно представлялось въ самомъ началѣ. Русское интеллигентное общество мало понимаетъ философию и интересуется ею только тогда, когда она отвѣчаетъ на извѣстныя злобы дня и бываетъ приправлена извѣстными практическими тенденціями. Въ немъ еще нѣть почвы для чисто философской работы, направленной на вѣчныя проблемы знанія и чуждой партійныхъ цѣлей. Вотъ почему, когда А. А. Козловъ предпринялъ въ 1885 г. изданіе своего *Философскаго трехмѣсячника*, онъ не нашелъ себѣ ни сотрудниковъ, ни читателей, и его журналъ самъ собой прекратился послѣ четырехъ выпусковъ. Когда Н. Я. задумалъ издавать *Вопросы философии и психологіи*, нѣкоторые газеты прямо называли его намѣреніе химерой и пророчили ему неминуемую неудачу. Нужно было большое мужество, чтобы рѣшиться при подобныхъ условіяхъ на такое рискованное предпріятіе, и нужно было много умѣнія и любви къ дѣлу, чтобы благополучно осуществить его. И дѣйствительно, если *Вопросы философии и психологіи* возникли, имѣли успѣхъ и существуютъ до сихъ поръ, то мы обязаны этимъ преимущественно личной энергіи Н. Я., его усиліямъ объединить сотрудниковъ всѣхъ направлений, его терпимости къ чужимъ взглядамъ, его умѣнію ладить съ людьми, его способности заинтересовать публику, его готовности безкорыстно жертвовать для общаго дѣла своимъ временемъ, своимъ трудомъ, даже своимъ самолюбіемъ. Этой его заслуги исторія русской философіи не забудетъ.

Всѣ лично знавши Н. Я. Грома сохранять о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ истинно симпатичныхъ людей, которые привлекаютъ къ себѣ съ перваго-же раза. Живой, отзывчивый, общительный, мягкий и благородный, онъ былъ какъ-бы созданъ для того, чтобы примирять окружающихъ и объединять ихъ для одной общей цѣли. Встрѣтиться съ такими людьми на жизненномъ пути рѣдкое счастье; терять ихъ—большое горе.

П. Соколовъ.
